

Монстры в академии 3

Екатерина Бунькова

Екатерина Бунькова

Монстры в Академии 3

«Литнет»

2024

Бунькова Е.

Монстры в Академии 3 / Е. Бунькова — «Литнет», 2024

Первая брачная ночь с нелюбимым – норма для женщины древних времен и шок для нашей с вами современницы. Как теперь с ним жить? Как теперь с ним спать? И можно ли вообще его полюбить? А может ли он полюбить? Миллион вопросов, отвечать на которые некогда, ведь магии... возвращаются в Освению! В этот раз вас ожидают: - ночные похождения магов, которые в упор не замечают их горе-педагог, - загадки мрачного прошлого магической столицы, - восстановление заброшенного дома и ужасы стирки руками, - превращение Золушки в... тут что-то пошло не так, и прекрасный принц летит броском через плечо XD, - установление справедливости посредством криминального подхода, - ну, и где-то в финале - очень большой дракон с очень большой проблемой. Ах да, ну и, разумеется, романтическая линия. Одна на троих)

© Бунькова Е., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	20
Экстра про Уильяма	27
Глава 4.	30
Глава 5.	38
Экстра про Кристел	45
Глава 6.	47
Глава 7.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1.

Было раннее утро. Марина вышла на крыльцо, щурясь на летнее солнце, которое уже пару часов, как взошло. В прежнем мире, поднимаясь в шесть утра, девушка считала себя лютым «жаворонком», а тут неожиданно оказалась «совой». По крайней мере, после вечерних обходов она еще по часу, а то и по два не могла уснуть, а утром непременно поднималась последней.

Вот и сейчас большая часть магиков уже обреталась во дворе, а из открытой двери кухни доносились вкусные запахи и разухабистые звуки фехтования на ложках. С тех пор, как их тайная оранжерея заработала на полную мощность, блюда стали куда разнообразнее. Да и летний лес поставлял немало даров – от ягод до дичи. Так что Марина даже не стала заглядывать в кухню и спрашивать, что на завтрак. И так знала: изобилие.

Зевнув, она поплотнее закуталась в найденный недавно на чердаке платок и огляделась, оценивая, кому нынче не спится в шесть утра. «Жаворонки» были все те же. Модька с Шессером и Ежом работали над своей мускулатурой, госпожа Эгнерция валяла в пыли уже взмокших валькирий (это у них называлось освежающей утренней зарядкой), Флокси с Касси плели корзинки из рогоза, а прочие просто дурачились.

- Давай! – скомандовал Персиваль, балансируя на каком-то странном устройстве из одного колеса и палки, в него просунутой. Крис по сигналу толкнул его в спину, и Персик покатил по тропинке, размахивая руками. Правда, это продолжалось недолго, и уже пару метров спустя он с грохотом повалил поленницу. И себя, разумеется.

Марина бросилась бы спасать, но недалеко, как позавчера ей довелось наблюдать, как у Персика отрастает отрезанный мизинец, так что теперь она только внутренне сжалась: как это, наверное, больно – носом прямо в сучок.

Крис, дурно хихикая, вытащил друга из горы поленьев. Персик поднялся, пошатываясь, и устался на свой покосившийся нос, смешно сведя глаза. Кровь не текла, но перегородка явно была сломана.

- Помочь? – хмыкнул Крис и, не дожидаясь ответа, «поправил» другу нос.

- Ау! – взвыл тот: увы, высокая регенерация не шла рука об руку с высоким болевым порогом.

- Смотри, как надо! – тем временем заявил демон, вытянул из завала колесо с палкой, кое-как установил конструкцию в ямке тропинки, а затем ловко вспрыгнул и принялся балансировать руками. Правда, никуда не поехал – просто стоял на палке, как девочка на шаре.

- Вам два колеса надо и площадку между ними – чтоб ногу ставить, – посоветовала Марина. – А еще – руль. И будет самокат. А может, и велосипед изобретете.

Она хмыкнула от двусмысленности фразы. Впрочем, ребята двойного смысла не уловили.

- Как можно ехать на двух колесах? – изумился Крис. – Это неустойчивая конструкция.

- Ну, ты же пытаешься ехать на одном, – резонно возразила Марина.

- Я это для тренировки равновесия, – пояснил демон, продолжая балансировать. – Вот будет мимо нас цирк проезжать, я к ним подамся. Если натренируюсь хорошо, меня обязательно возьмут. Дядя Мадя сказал, что в цирке мне самое место.

- Да уж, – фыркнула Марина. – Только у меня и так цирк каждый день. А дядя Мадя наверняка имел в виду клоуна.

- Кто такие клоуны? – заинтересовался Крис.

Марина махнула рукой. Как объяснить клоуну, что он – клоун? Впрочем, Крис в пояснениях не нуждался и тут же вернулся к своим дурачествам.

Девушка спустилась с крыльца и пошла до будочки. До «королевской» будочки.

Необходимость обустройства санитарной комнаты внутри помещения была ясна для Марины, как божий день. Ее в этом мнении поддерживали все, кто некогда имел доступ к

благам цивилизации – Амадеус, Ксавьер, Леам, Шессер, Персиваль и – на удивление – валькирии. Остальные же просто не понимали, зачем так сильно заморачиваться с какой-то там канализацией, если можно просто делать свои дела в земляную яму? На вопрос, что делать, когда она заполнится, Марине без зазрений совести ответили, что выкопать новую, засыпав лишней землей старую.

Девушку же категорически не устраивал сельский туалет. Во-первых, как там можно расслабиться зимой? Во-вторых, как смириться с ничем не устранимым амбре? А в-третьих...

А в-третьих, ну что это за дурь вообще – какать в дощатой будочке, которая мало того, что продувается, так еще и звукоизоляции никакой не имеет! Сидишь, значит, по своей надобности, а совсем рядом – будто у тебя под ухом – магики о чем-то треплются. Или еще хуже: стоят в очереди и прислушиваются, закончила ты уже или нет. Ну, ужас ведь!

В общем, в первые же дни после знаменательного события – отделения Школы магиков от Академии – Марина потребовала организовать санузел внутри помещения и объявила конкурс на лучшую идею. В качестве приза была предложена курица для личного употребления.

Итогом этого конкурса стало переоборудование дальней подсобки – той самой, которую в начале лета пытались поджечь недоброжелатели. Хлам из подсобки выгребли, сгнившие доски пола поменяли и сколотили стульчак.

Канализацию, правда, сделать не удалось. Однако Амадеус с видом «смотрите, как надо, плебеи» презентовал им продвинутую модель деревенского туалета – выдвижной ящик с решеткой, установленный под полом (ровно под отверстием в деревянном стульчаке). Ящик этот можно было вытягивать снаружи здания и уносить его содержимое в лесочек. А решетка была нужна, чтобы жидкая часть «отходов» напрямую впитывалась в землю.

В общем, какой-то кардинальной разницы Марина не увидела. Однако помещение нового санузла было куда больше, стульчак – удобнее, запах запирался крышкой, рядом стоял умывальник и висело полотенце, а главное – стены были толстые, и примыкали к жилым помещениям. С одной стороны, это должно было обеспечить хоть какое-то тепло в зимний период, а с другой стороны, давало долгожданную звукоизоляцию.

И только одну проблему все никак не могли решить. Коробку внутреннего дверного проема смертельно перекосило от долгого неиспользования, и открыть ее при желании было еще можно (врезавшись с разбега всем телом), а вот закрыть – никак. Только посредством грубой мужской силы.

Так что заходить в туалет приходилось снаружи, через черный ход, который обнаружился под горой хлама. По задумке Амадеуса туалет у Марины должен был быть прямо за стенкой лаборантской. Но по факту ей приходилось обегать все здание. Это было даже дальше, чем бегать в прежнюю будочку.

Естественно, прочие магики, пока не видевшие особых отличий между двумя санузлами, бегали в тот, что поближе. А дальний, которым пользовались только Марина, Ксавьер да Амадеус, в шутку прозвали «королевским». Марине каждый день обещали, что внутреннюю дверь «вот-вот» починят, однако она прекрасно понимала: случится это, только когда наступит зима, и стимул в виде кусачего мороза замотивирует всех куда больше копченой курицы. А пока ребят все и так устраивало. Лето, солнце, благодать...

- ... Лето, солнце, благодать.
 Ни к чему тебе страдать.
 Лихо сбачаем омлет –
 Будем жить с тобой сто лет.
 Лучше блюд на свете нету.
 Пойте, други, гимн Омлету! – донеслось до Марины развеселое пение из-за стенки, когда она уже заканчивала свои дела.

Девушка непроизвольно хмыкнула. Музыкальным слухом обладали абсолютно все магики. А вот талантом стихосложения – только единицы. Да и голос у Ежика был тоже весьма специфичный – разве только Шнурова перепевать.

- Если маслице шкворчит,
 И пузырик брызжет,
 Значит – скоро будешь сыт.
 Нет сытнее пищи!
 Обыщи весь белый свет.
 Что вкусней всего? Омлет!

 Я тебе скажу, дружок:
 Сальца положи кусочек.
 Можно даже шмат мяса,
 Можно травушки с мальчика.
 Но, конечно, не простой -
 Ароматенькой такой.

 Спросишь ты меня: откуда
 Знаю я такое чудо?
 Я скажу тебе ответ,
 Про чудесный, про омлет.
 С травкой запекать омлеты -
 Королевские секреты.

 Королевская чета
 Травку растит неспроста.
 По-любому знают тайну.
 И в своей опочивальне
 По ночам растят секрет,
 Как народу жить без бед.

 Марина густо покраснела, расслышав намек. С момента их свадьбы с Ксавьером прошло уже больше двух месяцев, а шуточки все не утихали. Магикам было безумно интересно, есть на самом деле между ними что-то или нет, но никто напрямую не спрашивал. Зато шутили над этим, кто во что горазд, пользуясь тем, что Марина и Ксавьер теперь женаты, и фантазии на эту тему больше не являются сплетней – всего лишь сованием носа не в свое дело.

- Так что кушайте омлет.
 Тыща бед – один ответ.
 От рассвета до обеда
 Буду петь я гимн Омлету.
 А как съем я тот омлет,
 Лягу спать – и весь секрет!

 И, быть может, мне приснится,
 Что в той спальне творится,
 Где драконовый наследник,
 Хмуро нацепив передник,
 Учит женушку свою,
 Как готовить коноплю!

 Я, конечно, пошутил.
 Что мне – свет уже не мил?
 Так что сильно мне не верьте,
 А не то забудут до смерти,
 Не доверив палачу.
 Ой, простите! Всё, молчу...

Нет, определенно, тут автор был не один, и над текстом явно поработали Шессер или Амадеус. Скорее, Модька – Шессер бы так явно нарываться не стал.

Марина покачала головой, помыла руки и пошла глянуть на этих остряков. Однако когда она вышла, все обитатели двора делали вид, что очень увлечены работой и вообще ничего не заметили. Предполагаемый автор в зоне видимости отсутствовал, а исполнитель старательно стругал лучину для печей. И только лютня, торчащая из-за колоды, доказывала, что у Марины нет слуховых галлюцинаций.

- Все помнят, что у вас сегодня урок по юриспруденции? – мстительно напомнила она.

Обитатели двора издали синхронный стон – Марина была не единственной, кому преподавательская манера Ксавьера доставляла моральные страдания. Не нагрубишь ему, не психанешь, не пожалуешься, не разведешь на несанкционированный перерыв и не собьешь с темы.

- Марина Игоревна, ну зачем нам это? – простонал Крис, высказывая общую мысль. – Ладно еще Вам – Вы все ж таки его жена. Но над нами-то зачем так издеваться?

- Вот когда тебя в следующий раз, как говорит Модька, «повяжут легавые», а ты вдруг вежливо и спокойно обоснуешь неправомерность этих действий, процитировав наизусть Уголовный кодекс Галаарда, тогда и поговорим, полезные это знания или нет, - ухмыльнулась Марина. – А пока берите, раз уж дают. Никогда не знаешь, что в жизни пригодится. Ксавьер и господин Гарден ради вас стараются – с наисвежайшими поправками знакомят, а вы еще жалуетесь.

- Не, ну, положим, законы – это еще куда ни шло, - подала голос пустота, точнее, Денеба, опять разгуливающий, в чем мать родила. – Но каллиграфия-то нам зачем? Мы, поди, не совсем уж дикие – писать все умеют. А Имперские руны – это для благородных. Для нас же – пустая потеря времени.

Магики согласно закивали.

Марина слегка покраснела – тут коса нашла на камень. Большинству магиков действительно не была нужна каллиграфия. Но если до свадьбы индивидуальные уроки Ксавьера были для Марины просто слегка неловкими, то после – невероятно, безмерно смущающими! И ей пришлось долго ломать голову над тем, как бы так не оставаться с ним наедине. В итоге она

нашла выход, сделав каллиграфию обязательным предметом в Школе магов и назначив Ксавьера преподавателем.

Увы, но с некоторых пор девушка просто не могла оставаться с этим мужчиной наедине. Она краснела, сбивалась с мысли и совершенно не могла сосредоточиться. Свадьба как будто что-то поломала в их прежде уверенных и спокойных отношениях. Точнее, поведение Ксавьера никак не изменилось. Но в том-то и было все дело!

Марина ждала... Да, сама не знала, чего ждала. Но чего-то ждала. И многие вещи действительно изменились после того дня, но не те, и не так. И можно было бы, наверное, сесть и поговорить обо всем этом, как она привыкла. Но увы, они с Ксавьером за все время пребывания Марины в этом мире так и не удосужились толком познакомиться.

Марина постеснялась поговорить с ним после свадьбы раз, другой... А потом ей уже стало просто страшно подходить к нему без сопровождающих. И единственным временем, когда они оставались наедине, стали ночи. Так Марина разучилась нормально засыпать и, как следствие, окончательно превратилась в «сову». Да как тут вообще заснешь, когда рядом спит ТАКОЕ!

«Ты сама виновата, - хмыкнул внутренний голос. – Сама согласилась на его предложение».

«Неправда! – возмутилась Марина. – Ты ответил за меня».

«Но после этого ты еще раз двадцать могла пойти на попятный, - невозмутимо напомнил ее незримый собеседник. – Хоть сразу, сказав, что не то имела в виду, хоть позже, заявив, что подумала и передумала. Вы же столько трудностей преодолели, чтоб этот брак оформить! Да ты на каждом этапе могла с легкостью «соскочить», но дошла же до конца. Сама, заметь, без моего участия».

Марина смутилась.
В тот день все было странно. Полушутливый подбор женихов, какое-то совершенно неподходящее предложение Ксавьера, еще более неожиданный ответ Марины. А дальше вообще все как в тумане. Смех отовсюду, соленые шуточки, улыбки, суэта и бумажки, бумажки, бумажки...

Никто не думал о празднике, все судорожно улаживали дела - бегали за сельским старостой, требуя его в свидетели, уговаривали несчастного священника, который в ужасе отказывался венчать Старшего инквизитора из благородных и иномирную девушку из простых. Согласился, только когда ему пригрозили, что магики будут посещать каждую его службу, распугивая прихожан. Да и то, обряд толком не провел, а лишь по-быстрому проговорил обязательные тексты, осенил святым знаком, вписал в книгу да выгнал поскорее, пока кто-нибудь его за этим не застал.

А потом они еще и поехали в город и выдержали настоящую битву с чиновниками на право подтвердить церковный брак нотариально. Привычных загсов в Галаарде не было, и оформлением брака благородного – точнее, брачного договора с регистрацией – занимались юристы.

Причем оказалось, что за один день оформить бумагу нельзя, и галаардский юрист с какой-то странной улыбкой настаивал, чтобы они подошли за печатями завтра. Сказал что-то вроде: «Кто же подтверждает брак в день его заключения? Приходите хотя бы утром».

Марина хотела было возмутиться - зачем мотаться в город дважды? Но Ксавьер просмотрел типовую форму местного «свидетельства о браке», тоже странно глянул на Марину и подтвердил, что они подойдут на следующий день. Марина не стала расспрашивать, подозревая, что два юриста на нее одну - это перебор, и просто приняла все, как есть, надеясь, что все эти подтверждения уложатся в три дня.
Вообще, в тот день все получилось так спонтанно, бестолково и непродуманно, что Марину на протяжении нескольких часов не покидало ощущение дурной шутки, и она подсознательно ждала фразы "Вас снимает скрытая камера!"

Полное осознание на нее накатило только тогда, когда поздним вечером, усталые и пропыленные, они с Ксавьером вернулись домой и вступили в темный коридор корпуса. Вот, где ее пробрало уже по полной. И с этого момента все пошло не так.

Виноваты, разумеется, были ее любимые – чтоб их черти побрали! – магики, решившие устроить им сюрприз. Днем Марине было не до них. Да и вообще, она не видела смысла в организации праздника, раз уж не было возможности реализовать ее представления о добротной свадьбе: там, где фата, пышное платье, букет в нежных тонах, фотограф и все прочее. А устраивать пародию и наряжаться в хлам с чердака и прицельно швырять в Касси букетом полевых цветов она не собиралась. Но увы, как оказалось, у магиков иное представление об обязательных составляющих свадьбы.

Стоило им с Ксавьером открыть дверь, как они будто очутились в мечте Персиваля – длинном мрачном коридоре, вдоль которого стояли фигуры в темных плащах, и повсюду таинственно дрожали огоньки свеч.

В первый момент Марине даже показалось, что она снова случайно провалилась в портал и попала на сатанистский обряд – до того все было жутко. Но потом под одним из капюшонов мелькнула улыбка Леама, а из-под другого донесся смешок не сдержавшейся Флокси.

Ксавьер первым понял, что происходит:

- Идемте, - сказал он, подавая ей руку.

Марине ничего не оставалось, кроме как довериться ему. Она вложила подрагивающую руку в широкую ладонь Ксавьера. Магики замерли, как гвардейцы, встречающие короля – только на лицах угадывались едва сдерживаемые улыбки да хитро стреляли в ее адрес жгучие взгляды. Каждый держал по горящей свече, а где-то в конце этого живого коридора приятный голос Шермана без всякого колдовства затянул незнакомый мотив.

Марина почувствовала, как под действием этого голоса у нее внутри поднимается волнение, и торопливо повернулась к Ксавьеру. Но того происходящее несколько не удивило. Он либо знал, что так будет, либо сразу принял, как должное – как обязательный обряд.

Марина почувствовала, как он потянул ее вперед, и непроизвольно сделала первый шаг. С левой стороны сверкнула золотая макушка Флокси, а в следующее мгновение девочка в прыжке обсыпала их чем-то белым и легким.

Марина присмотрелась и поняла, что это ромашковые лепестки. Она глянула на девочку, но та захихикала и спряталась за спину стоявшего неподалеку Леама. Тот мельком глянул на учительницу и быстро отвел глаза, а по легким спазмам его живого лица Марина догадалась, что эльфенку стоит больших усилий сохранять серьезное выражение.

Она не стала его смущать и пошла вперед, пытаясь подстроиться под уверенный шаг Ксавьера. Тот держался воистину с королевской невозмутимостью. Ни намек на веселье не было в его глазах. Ксавьер был серьезен настолько, что Марину пробило дрожью и колкими мурашками.

«Он тебя на ложе ведет, - отметил внутренний голос. – И все кругом об этом знают. И знали весь вечер. Все, кроме тебя».

Марина аж вспотела от этой мысли и нервно вздохнула. Ксавьер, видно, расслышав это, чуть сильнее сжал ее ладонь.

«Чтобы не убежала, что ли?» - подумала она, чувствуя жгучие взгляды в спину.

Их провожали подростки, и Марина без всякого устройства для чтения мыслей знала, о чем каждый из них сейчас думает. Варьировалась только степень скабрёзности этих мыслей. Однако ни один из них – даже Крис – не позволил себе высказать ни одной похабной шутеечки вслух. Все шутки были оставлены там, у дневного костра, а в корпус ребята пронесли только многозначительные взгляды.

Марину еще трижды обсыпали лепестками полевых цветов, прежде чем она рука об руку с Ксавьером дошла до аудитории. Крис и Шерман распахнули перед ними дверь, а когда они с

Ксавьером вошли, плотно ее закрыли, оставляя наедине. За спиной сразу послышался шорох, и Марина поняла, что ребята столпились за дверью, хихикая и пытаясь услышать хоть что-нибудь.

Но Ксавьер не стал затевать бесед. Он повел Марину к следующей двери – в ее комнату, бывшую лаборантскую. И как только она туда вошла, то сразу уставилась на... огромную супружескую постель. Кто-то из ребят, пока они мотались по городу, похоже, похозяйничал тут. Судя по аккуратности, чистоте, праздничности и букетам полевых цветов – девочки.

Ксавьер неожиданно отпустил ее руку, отвернулся и закрыл за собой дверь. На ключ. Потом подошел к окну и задернул шторы. В комнате остался свет лишь одной-единственной свечи.

Марина поежилась и потерла себя за плечи. Ей было и зябко от страха, и нестерпимо жарко от волнения. Однако в смысле происходящего сомневаться не приходилось, и девушка неуверенно принялась расстегивать пуговицы.

Ксавьер стоял у нее за спиной, и Марина боялась обернуться к нему. Тишина давила и нервировала. Даже внутренний голос молчал, с любопытством наблюдая, как она все это переживает. Девушка стояла будто под десятком телекамер, хотя в комнате был только Ксавьер.

Умом она понимала, что раз уж согласилась и даже справилась почти со всей бумажной волокитой, то теперь отступать поздно. Но ей было страшно. Страшнее, чем когда она в первый раз переспала с парнем – в тот раз она по крайней мере, этого хотела и была как-никак влюблена в избранника.

Ксавьер же был ей чужим. Да, она много раз с ним говорила, порой спорила и даже смеялась вместе с ним. Даже как-то раз – тогда, после рыбалки – вывела на пронзительную откровенность, о которой сама же потом пожалела. Но ближе он ей за это время не стал, даже наоборот: чем лучше она его узнавала, тем ярче осознавала, насколько они разные. И вот настал просто апогей неловкости.

Пуговицы закончились. Неуверенной рукой Марина потянулась снять форму и вздрогнула, ощутив, как ее окутывает чужая аура. В тот день она впервые явственно ощутила этот эффект: “водораздел” между внешним миром и невидимым полем Ксавьера. Как статическое электричество, оно слегка давило при прикосновении, но никак не мешало преодолевать границу. А преодолев ее, можно было почувствовать смутные эмоции.

Ксавьер подошел к ней сзади и перехватил форму, заставив вздрогнуть от неожиданности. Тогда она не разобрала, что он чувствует, хотя и находилась внутри поля – ей хватало собственных переживаний и неподдельного страха. Плотное ментальное давление совершенно чуждого разума только вызывало панику и пробуждало глубинный животный страх – бежать от неизвестного. Но она сдержалась и позволила ему себя раздеть.

Под формой у нее в тот день вместо белья на манер местных длинных рубашек была надета старая, заношенная до прозрачности футболка. Марине резко стало очень стыдно за такой внешний вид, и ей вспомнилось, как сестра доказывала, что белье на женщине всегда должно быть красивое: мало ли, когда наступит его звездный час? Вот он наступил, и Марина оказалась перед мужчиной в одних стареньких слипах и дырявой футболке размера XXXL.

Она осторожно развернулась и встретила взгляд Ксавьера – такой же темный, как и всегда. Разве только в глубине его глаз виднелся едва уловимый блеск. Повисла неловкая тишина. Мужчина был выше ее и определенно сильнее. У него было моральное право и ее формальное согласие. И Марина вдруг впервые поняла, что это такое – быть ЗАМУЖЕМ, принадлежать мужчине. По-настоящему, по-древнему, без права на отказ.

Мужчина сделал шаг.

Марина дрогнула и попятилась – не от страха, не от омерзения, а скорее, от собственной неготовности к этому. Споткнулась о матрасы, постеленные прямо на полу, и едва не полетела вниз, но Ксавьер успел перехватить ее.

Сквозь тонкую ткань старой футболки Марина почувствовала горячие ладони. Ее пробил дрожью, и она часто задыхалась от волнения. Нет, она не так представляла себе первую брачную ночь. Точнее, как жительница двадцать первого столетия, она вообще не понимала, что это такое – первая брачная ночь. А вот теперь поняла. Перед ней был совершенно незнакомый мужчина. И ей предстояло отдаться ему согласно их предварительной договоренности.

...

С того момента Марина и не могла толком смотреть ему в глаза. Утром на «подтверждение брака» она взяла с собой Леама и Флокси – якобы, чтобы дать ребятам «проветриться», а на самом деле, чтобы не пришлось всю дорогу молчать, или еще хуже – говорить с Ксавьером.

Впрочем, стоило отдать ему должное: после «подтверждения брака» он ни разу к ней не подошел без необходимости, не коснулся и даже не смотрел в ее сторону. А к вечеру Марина обнаружила, что конструкция под названием «супружеское ложе» разобрана, один матрас исчез, а второй притулился за шкафом.

Теперь Марина снова могла спать одна, на диванчике. Но Ксавьер все же каждую ночь был неподалеку. Она слышала его дыхание, чувствовала его странную ауру, вспоминала пережитое, и это здорово мешало ей засыпать.

Внутренний голос неоднократно предлагал решить уже эту проблему: подойти как-нибудь среди ночи, прильнуть к мужчине и... Ну, дальше как получится: от чистой душевной беседы до всяких разных гнусностей, которыми полнится человеческое подсознание.

Но Марина так ни разу и не насмелилась. Ей очень хотелось, чтобы проблема решилась как-нибудь сама собой. Но пока проблему решал только Ксавьер, стараясь уходить из комнаты до того, как Марина проснется. А дальше они оба делали вид, что ничего в их жизни не изменилось. По крайней мере, такую установку сделала себе Марина, чтобы вернуться в рабочий ритм.

...

В школе же изменилось многое. С тех пор, как на них перестали распространяться правила Академии, Марина осмелела и установила свои – пятидневную неделю с шестью уроками каждый день.

Уроки стали разнообразными. Госпожа Эгнерция взяла на себя не только боевые искусства, но и, как она это назвала «женские секреты» – по-русски говоря, труды для девочек. Эверик взялся преподавать травничество и основы целительства. Первое он знал великолепно, второе – лишь постольку поскольку, но и то хлеб. Ксавьер преподавал юриспруденцию и каллиграфию, а дядя Мадя – алхимию и теорию магии. Пару раз в неделю к ним приезжал господин Гарден, и его приезд тоже можно было считать уроком – уроком этикета.

Разумеется, набор знаний при этом получался крайне разношерстным, и Марина, как могла, пыталась это сгладить, берясь рассказывать что-нибудь то из географии, то из физики, то из биологии, то – из ОБЖ. Вообще, она обнаружила, что знает очень и очень много. Даже сама от себя такого не ожидала.

Хотя, конечно, полноценным обучением это было нельзя назвать. Но с другой стороны, как она поняла, в Академии магии никто и никогда даже и таким не занимался: там преподавались только те предметы, которые возникли исторически. Только пару раз появлялись новые – случайно, вместе с новыми преподавателями. В итоге в системности знаний Школа магов даже обходила Академию магии.

Так что когда магики пожаловались на «лишние» предметы Марина лишь хмыкнула и сказала:

- Не нравится – выход там!

И удовлетворенно утопала обратно в корпус. Определенно, во владении личной школой были свои плюсы. Если, конечно, старательно не помнить о своем замужестве.

Глава 2.

- А! - Марина коротко вскрикнула от неожиданности, когда с разгону едва не врезалась в тамбуре в выходящего Ксавьера. Попыталась избежать столкновения, но потеряла равновесие и полетела вниз.

К счастью (а может, и нет), мужчина оказался ловчее и не дал ей треснуться затылком об пол. Впрочем, и ловкостью Криса он не обладал, так что всего лишь замедлил падение Марины, и на полу они оказались вместе.

- Вы в порядке? - спросил Ксавьер, нависнув над ней.

Марина глянула на него снизу вверх – на эту ухоженную медную бородку, на густые брови и рассыпавшиеся по плечам волосы. Глянула в холодные серые глаза и поняла, что не может выговорить ни слова. И вовсе не от восхищения.

«Марин, успокойся. Что было, то было, - вздохнул внутренний голос. - Чего ты шарахаешься от него, как от маньяка? Он, между прочим, был с тобой тогда довольно деликатен. Практически нежен».

Марина нервно сглотнула, замерев так, будто над ней навис не ее муж, а огромная, хищная змея. Нежен или нет, но когда спишь с человеком, с которым не близка духовно – это ничем не лучше изнасилования. Жаль, она не подумала об этом до того, как вышла за него замуж.

«Марин, с этим надо что-то делать, - снова вздохнул ее незримый собеседник. - Верни все хотя бы, как было. Он же с тебя ничего не требует, чего ты от него шарахаешься? Всего-то один раз пристал».

«А вдруг потребует?» - в тайной истерике ответила Марина, не в силах отвести взгляда от этих глаз. Ксавьер чуть отодвинулся, но продолжил вопросительно на нее смотреть. Видимо, уже заметил, что порой девушка «подвисает», и смирился с необходимостью подолгу ожидать ответ.

«Ну, скажешь, что голова болит, - внутренний голос воображаемо пожал плечами. - Какие там еще отговорки были у женщин в прошлых веках? Будешь раз в месяц соглашаться. А потом забеременеешь и вообще можешь девять месяцев честно его «посылать». Как тебе план? Выходит, что всего два-три раза в год с ним спать придется. Максимум десять».

- Похоже, я Вас пугаю, - тем временем сказал Ксавьер, видно, догадавшись, о чем она думает. - Понимаю, что заключение брака произошло слишком поспешно. Вы не были готовы, не прочувствовали изменение статуса, и теперь все стало неловким. Так?

Подумав, Марина осторожно кивнула.

- Все нормально, - негромко сказал Ксавьер. - Не стыдитесь этого. Не уверен, что правильно понимаю причины Ваших действий, но Вам определенно не о чем беспокоиться. Позволите Вас поднять?

Он вопросительно вздернул бровь. Марина подумала и снова кивнула. Ксавьер всегда пугал ее своей закрытостью, но в то же время подкупал вежливостью. И когда он принимался говорить вот такими фразами, это означало, что он настроен по отношению к ней формально и собирается поступать как джентльмен, а не странный угрюмый магик.

После кивка согласия сильные руки оторвали ее от пола и помогли встать.

- С-спасибо, - наконец, смогла выговорить девушка. - Я пойду, пожалуй...

Она неуверенно переступила с ноги на ногу, снова не глядя ему в глаза.

- Да, конечно, - кивнул Ксавьер. - Увидимся за завтраком.

И, не дожидаясь ответа, мужчина первым вышел во двор.

«Не знаю, как тебе, а мне и хочется, и колется, - признался внутренний голос, провожая его алчным взглядом. – Крутой мужик. Зря ты за него замуж вышла, надо было в любовницы».

«Слушай, тебя уже больше двух месяцев штырит на постельные темы, - заметила Марина, которую еще потряхивало после этого эпизода. – Может, хватит уже?»

«Ничего не могу с собой поделать, - признался внутренний голос. – Мы с тобой таких мужиков еще не встречали. Интересно же!»

«Чего тебе там интересно? – все еще слегка истерично ответила Марина. – Ты с ним уже даже переспал! И глазами повидал, и телом прочувствовал. Куда уж дальше-то? И вообще, как ты мог перехватить управление в такой ответственный момент!?»

«Как-как: естественно и просто, - ответил ее внутренний собеседник. – Ты бы сама ему отжаться не решилась: завернулась бы в одеяло и спряталась где-нибудь в углу. А то и вовсе сбежала бы через окно. И как тогда брак подтверждать?»

«О чем ты...» - начала было Марина, и тут до нее дошло.

Дошло, почему нотариус удивился, что они хотят подтвердить брак в день его заключения, а не наутро. Дошло, что за артефакт им с Ксавьером пришлось активировать касанием рук на следующий день. Дошло, почему Ксавьер потребовал исполнения супружеского долга в первую брачную ночь, а потом не трогал ее. Дошло, и стало стыдно.

«Так он со мной только ради подтверждения брака переспал? – наконец, сформулировала сумбурные мысли Марина. – Чтобы артефакт засветился, и нотариус поставил печать?»

«Правда, крутой мужик? – хмыкнул внутренний голос, оценив ход ее мыслей. – Сделал дело и оставил в покое. А ты от него шарахаешься. Ему это обидно должно быть. Он ради тебя старается: встает первым, чтоб ты его утром не видела, целый день держится так, чтоб ты могла его по широкой дуге обходить, а вечером сразу уходит в дальний угол, чтоб тебя, истеричку, не пугать».

«Ты что, раньше не мог все это объяснить?» - возмутилась Марина, которая теперь по-новому взглянула на два месяца своих отношений с мужем.

«По объяснениям – это ты у нас спец, - фыркнул ее незримый собеседник. – А я больше по тайным желаниям и случайным догадкам».

«Блин, и что теперь делать? – Марина натурально схватила за голову. – Может, извиниться перед ним?»

«Да ничего не делать, - отмахнулся внутренний голос. – Ты же видишь: он тебя уважает за твой выбор. Типа, оценил твой подвиг во имя его народа. Живи, как раньше жила. Только не шарахайся от него, бога ради. Это реально тупо выглядит. Особенно когда в присутствии свидетелей. Че, думаешь, ребята так угорают над вами?».

Марина покраснела еще гуще. Увы, магии были необразованными только в сфере сложных наук, а вот такая простая вещь, как семейные отношения, для них в новинку не была: считывали все по мельчайшим намекам.

«Не хочу тебя расстраивать, но вы с Ксавьером сейчас для ребят – как бесплатный театр, - сочувственно заметил внутренний голос. – Кукурузу в своем подполье вырасти, и вообще огонь будет».

«Кукурузу?» – на автомате повторила девушка.

«Ага. На попкорн», - пояснил свою идею внутренний голос.

«Ой, отвали!» - отмахнулась Марина и, наконец, вспомнила, зачем шла. Дел сегодня ожидалось – невпроворот, и не только в оранжерее. И сегодня, и вчера, и позавчера, и вообще с момента, как она решила открыть свою школу. И как Актеллий Денеб со этим всем справлялся? Может, ей тоже сбежать порталом?

Впрочем, она кривила душой. Бежать было больше незачем, все шло своим чередом, а то, что не давало ей спокойно жить последние два месяца, оказалось лишь мухой, раздутой в слона. Не был Ксавьер ни насильником, ни дотошным исполнителем супружеского долга.

Ксавьер был Ксавьером – человеком с холодным разумом, вежливым обхождением и склонностью все держать в себе. Это Маринино воображение сделало его страшным чудови-

щем, что поджидало ее в спальне каждую ночь. Но оказалось, что после их свадьбы ничего не изменилось. Как они были просто знакомыми, работающими над общим делом, так и остались.

“Какое облегчение!” - подумала Марина, испытывая благодарность к благородству этого человека.

“Какое разочарование”, - кисло отозвался ее внутренний голос.

Но Марина его уже не слушала. Ее ждала уйма дел.

- Возьмите моего мальчика, прошу Вас! – час спустя уговаривала Марину крупная женщина неопределенной расы.

- Извините, мест нет, - отвечала девушка, не зная, куда ей деться.

С тех пор, как прошел слух, что класс магов отделился от основной Академии и стал самостоятельной школой, к ним постоянно приходили странные люди. Были и любители повозмущаться, постоять с плакатами и речевками вокруг живой изгороди, и вот такие вот желающие пристроить своего сыночка в новое заведение.

- Как это нет? – удивлялась женщина. – Вы же только открылись!

- Умм... Как бы это объяснить... - мялась Марина. – Это все очень формально. У меня всего восемнадцать государственных дипломов, запасных нет и не будет, если мы не получим грант заново. А мы его вряд ли получим в данных социально-политических обстоятельствах.

- Не понимаю, - хмурилась женщина.

- Ну, учить Вашего сына я могу, конечно, но диплом с оттиском государственного образовательного артефакта выдать – нет, - поясняла Марина. – А без диплома зачем Вам все это? У Вас хороший, домашний мальчик, а у меня тут – гора разгильдяев, за которыми глаз да глаз.

- Так зачем Вам эти разгильдяи? – искренне удивлялась женщина. – Выгоните одного и возьмите моего Мурчика. Он славный и послушный мальчик.

- Я не могу их выгнать, они стараются, - вздыхала Марина. – Собственно, только ради этих ребят мы и открыли новую школу. Как я теперь могу их выставить?

Но женщина не сдавалась и приводила все новые и новые доводы. А Марина не знала, как ей объяснить, что живут они здесь едва ли не на птичьих правах, к тому же под угрозой нападения банды Габби, и в любой момент может обнаружиться очередная пакость.

Единственное, что спасало ее школу от новых нападков, так это то, что Тельпе после побега ректора резко стало не до нее. И теперь Марине, чтобы не иметь с ним конфликтов, следовало всего лишь не попадаться ему на глаза. Это правило она со всеми чувствами донесла до своих ребят, и те согласились, что действительно лучше пару лет тихо посидеть под защитой живой изгороди, не выходя дальше лесного массива.

Объяснить же всю ситуацию бесконечным просителям было нереально. Люди ругались, обижались, грозились подать жалобу. А Марина не знала, куда ей деваться от всего этого.

Дядя Мадя, конечно, помогал, как мог, встречая незваных гостей у самого входа в Академию и провожая их через лес, чтобы те не мозолили глаза Тельпе. Однако и он полушутя заверял Марину, что лучше бы ей было уехать в свадебное путешествие на пару лет, забрав с собой магов, а школу закрыть на замок. Так и злопыхатели бы успокоились, и просители отстали, и с потенциальной угрозой от Габби вопрос бы решился. Но увы, при всей привлекательности идеи Марина не обладала достаточными финансами для такой авантюры.

Финансы, кстати, в самом начале казавшиеся очень большими, быстро показали дно. Слишком много денег ушло на оформление бумаг и оплату пошлин: как на создание школы, так и на – сюрприз! – брак с благородным.

У Ксавьера были небольшие сбережения, и он их все отдал, впервые всерьез вложившись в общее дело магов. Но этой суммы не хватило, чтобы удовлетворить местную систему налогообложения и контроля за «популяцией аристократов», как назвал это внутренний голос.

Социальная система Галаарда была устроена так, что для сохранения статуса благородного следовало и брак заключить того же уровня. За этот брак взималась огромная пошлина – специально, чтобы толпы обнищавших аристократов не смели передавать своим детям титул без соответствующей финансовой поддержки.

В принципе, для сохранения права наследия можно было ограничиться и «крестьянским» браком – простой записью в церковной книге. Однако Марине совесть не позволила так поступить с заложником обстоятельств, ведь такой брак, по сути, окончательно лишил бы Ксавьера даже призрачного статуса благородного. Он, может, и смирился со своей судьбой, а вот Марине было неловко за то, как с ним обошлось общество. Деньги – это не то, за что стоит держаться, когда рядом с тобой унижают человека.

В общем, к концу всех процедур у Марины осталось всего несколько крупных монет. Она разменяла их, и кошелек снова был полным. Но теперь это был совсем не тот уровень обеспечения, и тратить остатки сбережений на леденцы, как раньше, уже не тянуло.

«Зато ты теперь чувствуешь единство со своим классом, – сочувственно говорил ей по этому поводу внутренний голос. – У них тоже вроде как понемножку денег есть у каждого. Однако ходят босые и жрут, что дают, не жалуясь».

Впрочем, на еду в последнее время действительно никто не жаловался. Даже гости.

- Знаете, Марина Игоревна, – в своей приятной степенной манере сказал господин Гарден, явившийся ровно к обеду, – я ловлю себя на мысли, что посещаю Вашу школу не с целью проверки, а ради кулинарных изысков.

Он осмотрел кусочек баклажана, фаршированного крапивой и какой-то лесной дичью – Марина не вдавалась в подробности, какой именно, чтобы не портить себе аппетит. В Кассандре недавно проснулась тяга к кулинарному творчеству, и Марина дала ей добро на эксперименты. С условием достаточной термической обработки, разумеется. Эксперименты не всегда были удачными, но всегда – оригинальными. Касси определенно могла бы стать отличным шеф-поваром.

- Не вижу в этом ничего дурного, – улыбнулась Марина. – Кушайте на здоровье, наш новый повар только рада будет такой высокой оценке.

- А не боитесь, что я переманю этого Вашего нового повара? – хитро улыбнулся господин Гарден.

- Переманивайте, – хмыкнула Марина. – Если у вас на кухне не боятся орков. Старик рассмеялся.

- Да, орки в прислуге – это сильно, – признал он. – Но ничего. Пройдет время, все привыкнут к магиям, и тогда я с превеликим удовольствием украду Вашего кулинарного мастера.

- Крадите-крадите, – уже на полном серьезе сказала Марина. – Не знаю, правда, как к этому отнесется Эверик.

То, что ей примерещилось в тот день, оказывается, вовсе не примерещилось, и травник действительно положил на девушку глаз. Как и когда это произошло, понять было трудно. Может быть, сыграло роль то, что участливое лицо Касси было первым, что слабонервный травник увидел после того памятного обморока в подвале. Может быть, свою роль сыграл мягкий характер девушки, который она продемонстрировала, когда они с Флокси отпаивали гостя чаем. А может быть, чувствительного Эверика до глубины души поразили тот возмутительный эпизод сватовства, когда их замечательную Касси так оскорбили.

Как бы то ни было, травник с некоторых пор определенно начал оказывать девушке знаки внимания. Но делал это так степенно и размеренно, что Марина поняла: Касси успеет не только диплом получить, но и поработать где-нибудь, прежде чем этот вежливый романтик слабо благородных кровей решится на серьезный шаг.

И все же она была рада за этих двоих и мысленно держала кулачки, чтоб ничего не сорвалось. Эверик оказался странным, увлекающимся человеком – ровно под стать ее классу. Может, он и не был магом по крови, но был таким же аутсайдером в обществе: прочие учителя пришли в Академию ради высоких зарплат, а он – ради обширной библиотеки и возможности учить других любимому делу.

В общем, Марина как будто притягивала к себе всяческих фриков и изгоев. Попадая в старый корпус, все они знакомились друг с другом и находили единомышленников. К ним даже Финейс Мэйгрин начал заглядывать!

Сначала Марина глазам своим не поверила и решила, что парень, как в прошлый раз, просто хочет напакостить. Но нет, он на полном серьезе тайно от Тельпе начал общаться сначала с профессором Мадьером, потом – с Уильямом, а затем и с Леамом. Периодически эти четверо закрывались в одном из подвальных закутков и устраивали там алхимические ужасы – такие, что люстры по всему корпусу тряслись и пыль из щелей летела.

Марина не вмешивалась: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы старший Мэйгрин снова не начал на них гонения. Но в целом происходившее в корпусе создавало ощущение башенки из пены: только дунь – и рухнет. Каждый из участников прекрасно это понимал, и все старательно делали вид, что все хорошо. Такое положение дел более или менее всех устраивало – как ни странно, даже Тельпе – и можно было надеяться, что так они и проживут необходимые два года.

Однако разум Марины, привыкший к тому, что школа – это не то место, которое способно существовать без эксцессов, постоянно искал какой-нибудь подвох. Вот и сейчас она уставилась на старика долгим изучающим взглядом и спросила:

- Признайтесь честно, господин Гарден, Вы ведь не ради фаршированных баклажанов приехали?

- А почему бы и не ради баклажанов? – пошутил старик. – И вообще, быть может, мне здесь нравится. Эта живая изгородь, что уже почти сомкнулась над корпусом своим зеленым пологом, оберегая нас от летнего пекла, просто удивительна! Да и беседка, в которой мы сидим, очаровывает.

Марина смущенно зарделась. Беседка стала ее личным вкладом в обустройство корпуса. То есть, ее идея, конечно же. Скамейки и стол колотили Персик и Денеба, столбы устанавливал Еж, а плющом на допинге все это дело, разумеется, обвивал Дубок. Ну и девочки немного потрудились над мелкими деталями вроде коврика, салфеток и старинного светильника.

- Но Вы правы, - посерьезнел господин Гарден. – У меня тут плановая поездка в Освению ожидается. И в процессе подготовки к ней я услышал одну странную новость. И вот все хожу, обдумываю и не знаю, стоит ли ее озвучивать или нет.

- Ну, раз уж начали, то говорите, - кивнула Марина. – Что за ужасы меня еще ожидают?

- Не то, чтобы ужасы, совсем наоборот, - как-то слабо и криво улыбнулся старик. – Да и новость не столько для Вас, сколько для магов. Но коль скоро Вы так тесно связали с ними свою судьбу, то, пожалуй, что и для Вас. Хотя, пожалуй, для лорда Брефеды больше.

Марина оглянулась на Ксавьера, который сидел тут же и прикидывался мебелью, чтобы снова не провоцировать свою нервную женушку. Тот заинтересованно глянул на старика, показывая, что готов внимать.

- Ходят слухи, что Освенская инквизиция отказалась от гонений на магов, - сказал господин Гарден.

В беседке возникла тишина. Ксавьер чуть нахмурил брови, а старик не отводил от него взгляда. Марина поняла, что эти двое видят в новости нечто большее, чем увидела она.

- То есть, конфликт завершен? – осторожно уточнила девушка. – Все беженцы могут вернуться домой?

Мужчины бросили на нее неловкие взгляды, какими смотрят на наивного ребенка, который после известия об увольнении отца радостно кричит: «Ура, теперь ты будешь все время дома!».

Марина потупилась. Определенно, она только что влезла не в свое дело, и господин Гарден пришел сюда вовсе не затем, чтобы мило поболтать с ней в беседке о поварях.

- Вашему источнику можно доверять? – уточнил Ксавьер, обращаясь к старику.

- Да, - кивнул тот. – Он видел подписанную бумагу. Но нюансы неизвестны. Под этим лозунгом может скрываться что угодно.

- Понятно, - кивнул Ксавьер. – Насколько активно продвигается эта новость? Она распространилась только в аристократической среде?

- Нет, - старик покачал головой. – Ее транслируют в широкие массы, в том числе за пределы страны. Поэтому я и не хотел говорить, пока не получил подтверждение. Я не вижу в этом выгоды для кого-либо. А когда выгода не видна – это самые опасные новости, и верить им без оглядки не стоит.

Ксавьер покивал, соглашаясь с этим. В беседке снова возникла тишина.

- Простите, что вмешиваюсь, - подала голос Марина. – Но нельзя ли пояснить происходящее для непосвященных вроде меня? Я не совсем понимаю, чем может быть опасно разрешение вернуться в родные дома.

- Как минимум тем, что там давно уже никого не ждут, и все эти дома либо разрушены, либо заняты другими людьми, - фыркнул старик. – Пять лет – слишком большой срок, Марина Игоревна. Я не вижу ни одной причины отменять гонения. Освения нынче позиционирует себя как успешное государство, которое только выиграло от гонений на магигов. Зачем им звать их обратно? Это может быть ловушкой.

- Хотите сказать, Освения заманивает сбежавших магигов, чтобы потом их добить? – предположила Марина.

- Как вариант, - кивнул господин Гарден. – А может быть, за этим скрывается что-то еще. Я несведущ во внешней политике, не могу сказать точно. Но поверьте, Марина Игоревна: в политике не бывает случайностей. Кто-то получит с этой новости пользу. Но какую и как это скажется на всех вас – мне неизвестно.

- Есть возможность добыть больше информации? – уточнил Ксавьер.

- Нет, - покачал головой старик. – Я поеду в Освению где-то в конце недели и останусь там надолго, но с экономическими вопросами. Если я начну поднимать вопросы политические, меня могу в чем-нибудь заподозрить. Так что увы, я вряд ли могу Вам помочь. Вам придется самому заниматься этим вопросом - по своим каналам.

Ксавьер покивал, глубоко задумавшись.

- Поедете? – спросил его Гарден.

Мужчина в ответ только мрачно вздохнул.

- Не надо никуда ехать, - подала голос Марина, всерьез испугавшись этой странной беседы. – Нам и тут хорошо. Только-только устроились по-человечески.

- Не беспокойтесь, Марина Игоревна, - сказал ей Ксавьер. – Это никак не отразится на Вашей деятельности. Если я не вернусь, просто обратитесь с этим в канцелярию Его Светлости, и спустя три года Вас признают вдовой. Думаю, к тому времени Вы спокойно найдете себе нового мужа, не потеряв права на землю.

- Ксавьер, Вы с ума сошли? – возмутилась Марина. – Что значит «не вернусь»? Зачем Вам вообще туда ехать?

- Затем, что он единственный, кто может получить полную информацию, - пояснил вместо мужчины господин Гарден. – Формально он все еще представитель рода Брефеда и Старший инквизитор, а значит, способен проверить сведения и узнать их подоплеку. Проще говоря, он единственный, кто может разобраться, в чем дело и как на это реагировать. К тому же,

магии предпочли бы услышать новость от того, кому доверяют – от представителя рода Брефеда.

Ксавьер согласно промолчал.

- Я еду с Вами, - сказала Марина.

- Зачем? – в недоумении обернулись к ней оба мужчины.

- А что я ребятам скажу, если Вы не вернетесь, Ксавьер? – ответила Марина. – Да я и сама тут буду, как на иголках. Нет-нет, меня такой вариант не устраивает. Либо никто никуда не едет, либо я еду с Вами.

Мужчины как-то странно переглянулись, и господин Гарден явственно хмыкнул в седую бороду. Ксавьер снова повернулся к Марине, похоже, готовясь спорить:

- Это может быть очень долгим и утомительным путешествием, - заметил он. – До Освении путь неблизкий. Плюс Поморник совершенно точно туда не пойдет, он боится. Придется добираться на перекладных, а то и пешком. Это путешествие не для дамы.

- «Дама», между прочим, имеет удобные кроссовки и очень любит походы, - почти обиделась Марина. – Если Вы можете дойти, то и я дойду.

- Куда дойти? – сквозь густую поросль плюща просунулась рогатая башка. – Ой, день добрый, господин Гарден!

- Ксавьер хочет вернуться в Освению, - тут же сдала своего мужа Марина, укоризненно и совсем не по-благородному ткнув в его сторону вилкой, так что Ксавьер даже дернулся.

- О! Я с Вами! – оживился Крис. Рывком выдернул башку из зарослей и рывкнул на весь двор:

- Народ, мы едем в Освению. Кто с нами?

- Я! Я! – один за другим послышались возгласы с разных сторон.

- Э! – Марина подскочила так резко, что чуть стол не опрокинула. – Куда? Вам учиться надо!

- Так ведь Вы тоже едете, - Крис снова попытался было сунуть голову в беседку, но зацепился рогом за плетъ плюща и сунулся только на один глаз и одно ухо. – И все одно раньше зимы не вернетесь наверняка, а зимой тут холодно будет, и вообще не останется резонов возвращаться. Че нам тут делать всю зиму без Вас? Травоведение и алхимия мне вот ни скolečки не понравились. Я с Вами хочу!

- И я! – в проход беседки заглянула ушастая голова Леама.

- И меня можно? – присоединился к ним Персиваль.

- Никто никуда не едет! – возмутилась Марина. – Раз подслушиваете, то хоть делайте это грамотно: сказали же, что там может быть опасно.

- Тогда нас берите, - заявили хором валькирии, свешивая головы с крыши беседки. Марина только рот открыла: они что, все это время были там?

- И меня! – Еж тоже просунул голову сквозь плющ.

- Никто никуда не едет! – попыталась было осадить их всех Марина.

- Вы не можете нам запретить, - вежливо возразил ей Шерман. – Мы совершеннолетние. Ну, почти все.

- И вообще, если последний из рода Брефеда по нашей милости сгинет где-то в подвалах Святой Инквизиции, мы себе этого не простим, - включился в разговор Амадеус, нагло раздвигая все головы и вставая в проеме беседки во весь рост. – Это вопрос чести. Куда он один поедет? А всей кучей, может, отобьемся, если что.

Господин Гарден, наконец, не выдержал и громогласно расхохотался.

- Я обожаю это место, - сказал он, вытирая слезы. – А еще не верил гадалке, что под старость лет мне станет интересно жить.

Марина при этих словах тоже неожиданно вспомнила, как ей пообещали брак не по любви и долгую дорогу. А ведь ушлая тетка оказалась права! Неужели и правда еще тогда все знала?

«Или просто я сейчас задним числом подставляю ее «гадание» под имеющиеся события», - сама себя оборвала Марина.

«Платье с чужого плеча ты еще не надела, - напомнил ей внутренний голос третью часть предсказания. – Но, знаешь, с таким уровнем трат скоро наденешь. Вы на какие деньги ехать собрались?».

Вопрос был резонный, и Марина озвучила его вслух, приведя это как довод против участия магиков в аванюре.

- ... Мне просто не хватит средств, чтобы перевезти всех в другую страну, - подвела она итог своей тираде.

- А всех и не надо, - сказал Леам. – Дубок почти наверняка тут останется. Поморник, Гора и Пузырь – тоже. Они вообще зимой в спячку впадают, так что если мы в Освению надолго, их лучше не брать.

- Ага, - покивал Крис. – Пусть делают вид, что мы все еще тут. Дядя Мадя и госпожа Эгнерция поддержат легенду. А мы поедем тайно – так лучше всего.

- Какая тайна? Вы себя в зеркале видели? – возмутилась Марина. – Да за версту же видать, что магии! Еще и такой кучей.

- Мы не куча, мы – свита! – гордо возвестил Крис. – Королевская.

- Так, это уже не смешно, - сказала Марина. – А ну, брысь отсюда!

- Шухер, пацаны: Ее Величество не в духе! – дурашливо выпучил глаза демон.

- Крис!!

Но парень уже с хохотом исчез из зоны видимости. Большая часть магиков скрылась следом. Однако некоторые все же остались.

- Ребят, это плохая идея, - уже чуть спокойнее сказала Марина укоризненно глядящему на нее Шессеру. – Между прочим, на мне лежит ответственность за ваши жизни. Шес, ну ты-то взрослый человек и должен понимать, что это не увеселительная поездка.

- Понимаю, - серьезно кивнул он. – Поэтому я с вами только до окраин. А там по ситуации.

- Флокси, а ты куда намылилась? – со вздохом перевела взгляд на феечку Марина.

- Я хочу узнать, что стало с родителями, - тихо сказала девочка, выглядывая из-за Шессера.

- Флокси, это плохая идея, - нахмурившись, тихо сказала Марина.

- А прозябать тут без шанса на нормальную жизнь – хорошая? – неожиданно зло ответила девочка. – Ну, дадите Вы мне диплом через два года, а что изменится? Сейчас я окажусь на обочине или двумя годами позже – без разницы. А так, может, маму найду. Или хоть кого-нибудь из своих.

В глазах феечки блеснула влага, и она поспешила спрятаться за Шессером.

- Ну, и что нам делать? – Марина повернулась к мужчинам.

- Полагаю, продавать племенного бычка, раз уж все так единогласно, - пожал плечами Ксавьер.

Глава 3.

Марина все же еще попыталась отстоять свое мнение и отговорить хоть кого-нибудь. Увы, ей это практически не удалось. Кроме «зимующих» оставить получилось только Ежика и Кассандру, да и то пришлось привлечь для этого госпожу Эгнерцию.

Удивительно, но в «турпоход» напросился даже Уильям! Для него Марина никакой пользы в путешествии не видела. Однако и опасность парню тоже вряд ли грозила – он хотя бы был человеком.

Девушка предположила, что Уилл просто наслушался восхищенных рассказов дяди Мади об «альма матер» и решил повидать Высшую школу инквизиции своими глазами. Но и тайная надежда, что парень все-таки сдружился с коллективом и решил поехать просто «за компанию», тоже была. В конце концов, за последние дни Уильяма ни разу не пытались убить, вышвырнуть на улицу, ограбить или серьезно обмануть. Все как-то смирились с его существованием, что ли. А Леам так и вовсе относился к нему так же, как и к другим.

Леам вообще был умничка, и за него Марина переживала больше всех. Тем более, что, в отличие от остальных, он с семьей уехал из страны до начала серьезных гонений, и сейчас мог недооценивать опасность. К тому же, он не жил на улице и не был в колонии, а потому и себя защитить в случае чего не мог.

Марина хотела было поступить с ним, как с Ежиком и Кассандрой – воздействовать через родителя. Но старший Тулгторн неожиданно поддержал желание сына. Марина подозревала, что лекарю просто грела душу мысль, что сынок поедет сопровождающим «многоуважаемого лорда Брефеды». О том, что она стала женой этого самого «лорда Брефеды», Марина рассказывать ушастому семейству не стала, подозревая, что это вызовет неадекватную реакцию.

Сама она не чувствовала себя какой-то особенной. К ней все так же обращались по имени-отчеству, она все так же вела уроки и гоняла провинившихся магов, носила ту же форму и даже сидела на том же месте за завтраком. Если б не перенос спального места Ксавьера в лаборантскую, она бы и разницы не заметила. Один раз только Марина услышала в свой адрес: «Подпишите здесь, леди Брефеда». И то, не сразу поняла, что обращаются к ней.

Но когда дело дошло до сборов, Марина неожиданно поняла, что ее «вытанцовывают».

- Это что, весь Ваш багаж? – изумился Крис, когда увидел ее сумку.

- Ну, я взяла все самое необходимое, - сказала Марина.

Вообще-то, она потратила два дня, стараясь собрать сумку так, чтобы уместить в нее максимум, но при этом не сделать неподъемной. И очень много вещей осталось сиротливо лежать на диванчике – от сменной обуви до теплых свитеров.

- Вы уверены? – уточнил Крис, примеряясь. – Веса никакого.

- Ну, так и я, вообще-то, не силачка, - Марина отобрала у него баул. – Сложила так, чтобы не надорваться.

- А Вы думаете, мы позволим Вам поднимать тяжести? – фыркнул Крис. – Вы же женщина!

- Флоксы же ты позволил, - ответила Марина, кивнув на феечку с огромным узлом за плечами. – И валькириям тоже.

- Флоксы – это Флоксы, - пожал плечами Крис. – А валькирии вообще не в счет: они даже меня без проблем нести могут. В качестве трупа, правда. Но Вам-то тяжести таскать не по статусу!

- Крис, Ксавьер сказал, что время от времени придется идти пешком, - напомнила Марина. – Спасибо, конечно, за заботу. Но надо сложить вещи так, чтобы каждый мог унести свое.

- А я могу унести и свое, и Ваше, - предложил Крис.

- Ага, а потом надорвать спину и заработать грыжу, - фыркнула она. – Нет уж. Я детский труд не эксплуатирую.

- Эй, я не ребенок! – возмутился Крис. – Господин, скажите же ей: благородной леди не по статусу путешествовать с узлом за плечами!

«Господин? – мысленно повторила Марина, поняв, что Крис обращается к Ксавьеру. – С каких пор он его так зовет?»

«Со времен вашей свадьбы, - просветил ее более внимательный внутренний голос. – И не он один. В работе и пустой болтовне ребята еще обращаются порой к Ксавьеру по имени, но в присутствии посторонних и на уроках – уже уважительно».

«Точно, - спохватилась девушка. – Я ж его учителем назначила».

- Милорд, Ваша жена собирается путешествовать без теплых вещей и запасной обуви, - «сдала» Марину Бристел. – Вы так договорились? Она купит нужные вещи на месте?

Ксавьер, с хмурым видом оценивавший свои сапоги – выдержат ли долгую дорогу – наконец, отвлекся и повернулся к Марине:

- Марина Игоревна, сложите с собой запасные вещи, пожалуйста – их понесут ребята, - сказал он.

- Ксавьер! – возмутилась девушка. – Это неправильно!

- Выглядеть, как толпа оборванцев – тоже, - просветил ее мужчина. – Хотя бы кто-то из нас должен представлять собой благородную особу, иначе патрули будут привязываться. Будет гораздо проще и правильнее, если это будете Вы. Потому что если я пойду налегке, а Вы – под грузом вещей, это будет, согласитесь, нелепо.

- Ксавьер, но тут и так у каждого по огромному узлу, - напомнила Марина. – А Еж и Поморник – единственные, кому лишний вес не в тягость – дома остаются. На кого я должна, по-Вашему, нагружать двойной вес?

- Крис же предложил свою помощь, - пожал плечами мужчина, явно не видя в этом проблемы.

Марина только вздохнула, набираясь духу на первую семейную сцену.

В итоге после долгих пересудов было решено, что ее вещи по чуть-чуть будут разложены по чужим узелкам. Кому-то достались свитера, кому-то – блузки, кому-то – по паре обуви. Забрали с собой даже еще один флакон шампуня. Но Марине все же удалось настоять на том, что хотя бы нижнее белье она понесет сама – благо, оно было из ее родного мира и много места не занимало.

В итоге под это дело выделили какой-то пыльный крошечный ридикюль. Но перед самым выходом Марина все же посвоевольничала и взяла с собой пластиковый пакет с несколькими упаковками прокладок. Крис попытался было возмутиться, но Марина молча протянула ему пакет и сказала:

- Взвесь.

Тот послушно «взвесил» и признал, что веса и правда почти нет, только объем. Признал и... не отдал, понес сам. Марина скрипнула зубами, но возмущаться и кричать на весь двор, что внутри вообще-то средства интимной гигиены, не стала.

Зато, когда они, наконец, вышли, она ощутила всю прелесть путешествия налегке. На ногах были удобные кроссовки, под ногами – сосновая хвоя, на плечах – уже привычная форма, а в руке – хоть и дурацкий, но не тяжелый ридикюль. Правда, Марина старалась не думать, как странно выглядит в средневековом наряде и в ярких белых кроссовках.

Магики изумленно пялились на странную обувь, но к какому-то единому мнению не пришли – уж слишком необычно та выглядела. И Марина со временем забыла о странном сочетании и полностью отдалась прелести похода.

А прелесть была – без всяких преувеличений. Лес наполнился птичьим щебетом и шелестом. А какие запахи стояли – м-м-м! Прогретая солнцем хвоя, грибная сырость земли, сосно-

вая смола и ромашки. Последний запах был образован очередным венком от Флокси – в густом ковре хвои редко когда попадались травяные участки.

Впрочем, хвойный лес вскоре сменился на смешанный, а потом и на лиственный. Под ногами появилась трава, стали часто встречаться ключи и болотистые участки. Походники спустились с холма, перешли мост и даже миновали деревню (по широкому кругу, на всякий случай). Периодически им встречались заросли малины. Пик ее созревания уже прошел, и ягод было мало. Зато они были чертовски вкусные!

...

Первые пару часов Марине все очень и очень нравилось. На третьем часу правая кроссовка почему-то стала казаться менее удобной, чем левая. А на четвертом часу Марине пришлось признать, что она почти натерла мозоль, и потребовать привал.

К счастью, магики, отвыкшие за последние дни от дальних путешествий, были не против, и вся компания с радостью развалилась в густой траве вдоль обочины дороги.

Марина стянула кроссовок и оглядела ногу. Мозоль еще не совсем сформировалась – было лишь ярко-красное пятнышко, и проблему еще можно было легко исправить пластырем. Марина потянулась было к сумочке... и только тут поняла, что последний раз пластырь она видела в своем родном мире. И не взяла его с собой, как и всю аптечку.

«Эпик фэйл», - прокомментировал ситуацию внутренний голос.

В этот момент к ней подсел Ксавьер с каким-то пучком трав в руке.

- Я же предлагал добраться до города на Поморнике, - сказал он, отложив свой букетик в сторону и взявшись за ногу Марины, чтобы изучить степень серьезности проблемы.

- Я все равно рано или поздно натерла бы мозоль, - смутилась девушка этого прикосновения. – Слишком давно не носила кроссовки.

Ксавьер повернул ее стопу, пытаясь рассмотреть повреждение. Марина непроизвольно приняла позу русалочки.

- Ерунда, - сказала она. – Подложу что-нибудь под пятку, и будет натирать в другом месте – до города дойти хватит.

Ксавьер ничего не ответил. Он снова взялся за принесенный пучок листьев, помял их в руках, а затем, сложив стопочкой, прижал к больному месту. И хоть это был не волшебный подорожник, Марина сразу ощутила приятную прохладу.

Ксавьер тем временем вынул из кармана бинт и принялся приматывать лечебную прослойку к ноге девушки.

- Вы знали, что я натру мозоль, - не столько спросила, сколько констатировала факт Марина, поняв, что он подготовился заранее.

Ксавьер кивнул, не отвлекаясь от работы.

- Я настолько изнеженная, да? – горько уточнила она.

- Нет, - спокойно ответил он. – Вы просто женщина.

- Флокси Вы ноги не бинтуете, - возразила Марина.

- Флокси уже два раза покаталась на чужих плечах, - просветил ее Ксавьер. – Сначала на Шессере, потом на Амадеусе. Она, в отличие от Вас, не стесняется признаться, что устала.

- Я не устала! – возразила Марина.

- Повторите это завтра утром, когда ноги не сможете разогнуть, - на полном серьезе сказал ей мужчина, помогая надеть носок поверх бинтов.

- Как-нибудь справлюсь, - поджала губы Марина. – Думаю, я буду не единственной, у кого мышцы будут болеть. Мне не нужно особого отношения.

- Вы моя жена, - напомнил Ксавьер. – Я должен о Вас заботиться.

- Вы никому и ничего не должны, - слегка покраснела Марина.

Увы, зависимость от мужа – это не то, что она хотела бы видеть в идеальных семейных отношениях. Впрочем, на данный момент об отношениях речь не шла вообще – ни об идеальных, ни о хоть каких-нибудь.

«Ну, почему же, - возразил ей внутренний голос. – Он очень нежно потрогал тебя за ножку. Запишем это в ухаживания, ладно?»

«Сдались мне такие нежности», - привычно отмахнулась Марина, но почувствовала, что лукавит. О ней слишком давно не заботился мужчина. Да и вообще, не в каждой семье муж вообще замечает, что жена натерла ногу, а из тех, кто заметил, только некоторые догадываются помочь. Так что внутренний голос был, как обычно, прав: ей повезло, и нечего жаловаться.

До города она все-таки дошла. Необычный «пластырь» неплохо справился со своей задачей. Нет, он не вылечил натертое место, но и не дал покраснению превратиться в полноценную мозоль, и можно было надеяться, что к утру болячка слегка заживет, а дальше кожа постепенно огрубеет и перестанет беспокоить.

Впрочем, до утра следовало еще дожить. Марине впервые довелось ознакомиться с местным «общественным транспортом». И знакомство это ей совершенно не понравилось.

Начать с того, что никакого регулярного сообщения в той стороне, куда им было нужно, не наблюдалось. Было несколько «почтовых станций» - сомнительного назначения строений, где можно было нанять экипаж с лошадьми. Выбор этих самых экипажей на станции оказался невелик, да и выглядели они так, что в автобусах советских времен, пожалуй, и то ездить было бы безопаснее.

Лошади, предоставляемые станцией, были еще хуже. Ей как-то из детства запомнились куда более ухоженные лошадки в парке. Да и в этом мире всякие разные напыщенные господа тоже приезжали в Академию на крепких, статных животных. А тут... тощие кривоногие клячи с кривыми копытами в форме блюдца и ненормально раздутыми животами. Да на них смотреть было жалко!

Но выбора не было: либо ехать на том, что есть, либо идти пешком до следующей станции. А натертая пятка требовала отдыха. Так что Марина вздохнула и полезла за кошельком. А потом еще раз вздохнула, когда услышала точную сумму за найм и услуги ямщика, от которых почему-то нельзя было отказаться (как ей позже объяснили, ямщик должен был вернуть транспорт обратно на станцию).

В общем, ближе к вечеру они все же выехали. Точнее, выехали Марина с Ксавьером в сопровождении Флоксы и Леама, который, как оказалось, тоже был не приспособлен к дальним переходам. Больше никто в нанятый экипаж не влез, и остальные шли за ними быстрым шагом. Но, по крайней мере, весь их скарб загрузили на крышу этой странной повозки и немного – под ноги пассажирам.

Марина ругалась, на чем свет стоит. Медленно, дорого, опасно, архискучно и дико неудобно оказалось путешествовать «на перекладных». А бедного Леама так еще и укачивало из-за тряски, и он сидел сине-зеленый.

Прочувствовав на себе все прелести первого перегона, Марина поняла, почему Ксавьер не хотел брать ее с собой. Определенно, дальние поездки стоило совершать с гораздо большей суммой на руках: по крайней мере, чтобы купить себе комфортабельную карету вроде той, в которой ездили Мэйгрины.

Они тащились до следующей станции, наверное, часов семь. По крайней мере, когда далеко впереди забрезжили огни, была уже глубокая ночь. И тут, будто для полного эффекта, под днищем что-то скрипнуло, хрупнуло, и все четверо полетели вместе с перегруженным экипажем в кювет – точнее, просто в удачно подвернувшийся овраг.

Люди и вещи, что оказались внутри, на пару мгновений превратились в единое месиво. Флоксы и Леам стукнулись лбами, а Марина рывком съехала на Ксавьера, выбив из легких

мужчины дыхание, а потом еще и стукнулась лбом о какой-то выступ. Местному транспорту определенно не хватало ремней безопасности. А еще – регулярного техобслуживания. И страховки. И ограждений на дорогах. И проверки водителя на дееспособность. И ГИБДД. И... Да вообще всего!

«Хорошие вещи начинаешь ценить лишь тогда, когда их лишаешься», - сочувственно прокомментировал этот эпизод внутренний голос, но обозленная Марина его послала: ей было не до философствований.

Ямщик с его колымагой был проклят до седьмого колена, вещи кое-как собраны, но увы, оказалось, что починке транспорт не подлежит. По крайней мере, скорой. И пришлось снова идти пешком.

Когда они, наконец, добрались до какой-то деревеньки, Марина была дико злая, уставшая и недовольная собой и миром. Магики – тоже уставшие не меньше, но все же привычные к такому способу передвижения – молча сносили ее возмущение и только вздыхали.

Девушка, наверное, смогла бы успокоиться, если б они хотя бы переночевали, как планировалось, на станции. Но оказалось, что они дошли не до нее, а просто до какого-то селения, и магики тут были не рады – тем более, среди ночи. Им даже пригрозили топором! Спасло только то, что Марина с Ксавьером имели вполне человеческий облик и наврали, что магики с ними в качестве прислуги.

К счастью, на самой окраине нашлась какая-то сердобольная старушка, которая согласилась пустить их на сеновал конюшни, если наутро они помогут ей по хозяйству. Правда, Марина сильно подозревала, что бабка не добрая, а просто подслеповатая, и не различила в ночной темноте ни рога, ни уши, ни хвосты.

- Чтоб я еще хоть раз... - пробормотала Марина, устраиваясь в старом, пахнущем пылью и затхлостью сене... и тут же заснула, утомленная дорогой.

...

Проснулась девушка от того, что кто-то укутывал ее, напрочь замерзшую, плащом. Марина не стала поворачивать голову, боясь, что это снова Ксавьер. Ей все еще было неловко от его заботы.

«Ты ее просто не заслужила, - разъяснил ей внутренний голос ее же ощущения. – Помнишь, тебе Ксавьер рассказывал, что люди из разных сословий – не пара? Получи, распишись. И пусть ты уважаемая учительница, можно сказать почти благородная, а он – всеми забытый беглый потомок изменников, сами-то вы прекрасно осознаете, кто из вас кто».

Марина смутилась, окончательно просыпаясь. Она уже не раз об этом думала, и ей было неловко за сложившуюся ситуацию. Будто она специально «развела» Ксавьера на брак, чтобы примазаться к древней фамилии. Ее в этом пока никто ни разу не упрекнул, но Марина и сама неплохо справлялась.

К тому же, у нее из головы не выходила мысль, что для Ксавьера она, пожалуй, старовата. По-хорошему, ему нужна была девица лет этак двадцати – чтоб с лету нарожать еще с десятков наследничков. А Марина мало того, что была морально к этому не готова, так еще и не могла себе позволить такую роскошь, как декрет, ближайшие года два.

Плюс от сестры она слышала, что после тридцати лет шанс на беременность все ниже и ниже. Особенно на здоровую. И за все это Марине тоже было перед Ксавьером неловко. Увы, в этом мире не наблюдалось центров ЭКО и разнообразных скринингов. Но назад было уже не повернуть, и Марине оставалось только надеяться, что Ксавьер думает про нее не то же самое... Или хотя бы, не все из перечисленного.

От смурных мыслей девушку отвлекло шуршание сена и еще одно прикосновение – кто-то прижался к ее спине. По волосам скользнуло чужое дыхание, под колени ткнулись теплые колени, и только мужской руки на бедре не хватило до полноты картины.

Не выдержав, Марина повернула голову, чтобы убедиться в том... что она и правда заму-
жем.

- Мы не найдем в темноте Ваши теплые вещи, - шепотом пояснил Ксавьер свое поведение.
- Я буду спать рядом, чтобы Вы не замерзли.

- Ксавьер, Вы не обязаны... - смутилась Марина.

- Вообще-то обязан, - неожиданно ответил он. - В нашем брачном контракте прописано,
что Ваше здоровье отныне – моя забота. Вы не читали контракт?

- Ну, так... - Марина замялась. - Вы ведь юрист. Я Вам доверяю.

- Причем здесь доверие? - он аж приподнялся на локте, нависнув над ней. - Вы же... Бог
ты мой, Вы просто невероятны. То, что я хорошо разбираюсь в юриспруденции – это напротив,
аргумент за то, чтобы мне не верить и все прочесть и обдумать самой, а то и с другим юристом!

- А что, там было что-то важное? - спросила Марина, смущенно глядя снизу вверх на
темный силуэт со смутно поблескивающими в темноте глазами.

- Да нет, контракт типовой, но... Как можно было не прочитать бумагу, которая опреде-
ляет всю Вашу дальнейшую жизнь? - Ксавьер, похоже, действительно был поражен подобным
разгильдяйством и даже чуть повысил голос.

- Ну... - замялась Марина. Договор по ипотеке она тоже когда-то не сказать, чтоб внима-
тельно прочла. Если ко всему серьезно подходить, то ни одна подпись без юриста не обойдется.
А если юрист не по карману, остается только действовать на авось.

- Бога ради, не подписывайте больше без моего участия никаких бумаг, - попросил Кса-
вьер.

- Да, конечно, - поспешно сказала Марина.

Он немного помолчал, обдумал сказанное и, видно, пришел к выводу, что ситуация все
же нуждается в разъяснении:

- Вы прекрасный учитель, Марина Игоревна, и хороший человек, но...

- Можете не продолжать, - перебила она его. - Я знаю, что довольно наивна. На самом
деле, я буду только рада, если Вы возьмете на себя то, в чем я не сильна.

- Я бы с радостью. Однако Вы не позволяете Вам помогать, - справедливо напомнил
мужчина.

- Я... не хочу чувствовать себя должницей... - замялась Марина.

Повисла тишина – Ксавьер не нашел, что на это ответить. По крайней мере, сразу. А
когда все же собрался и открыл было рот, из темноты сеновала донеслось:

- Зануды. Я-то думал, будут нежности шептать, целоваться...

- И не говори, - ответили ему таким же едва уловимым шепотом. - Ночь безлунная, брак
законный – твори, что хочешь! А они тут о юриспруденции...

- Зато как подходят друг другу, - вмешался третий.

- Ага. Два сапога – и оба левые, - гыгыкнул четвертый.

- Эй! - возмутилась Марина, но в ответ услышала только россыпь смешков из разных
углов: магики нисколько не сомневались, что она не определит по шепоткам голоса, и нагло
этим пользовались. Более того - фыркнул даже Ксавьер у нее над головой.

- У-у... м-магики! - Марина бессильно пригрозила темному пространству. Хотя, вообще-
то, ей самой было стыдно и смешно. Это ж надо было додуматься – выяснять отношения среди
ночи в присутствии любопытных ушей вечно неспящих подростков.

- Спокойной ночи, - примиряющим тоном сказал Ксавьер, прилег на место и обвил ее
рукой.

Марина замерла. Движение было очень простым, практически дружеским. Однако
прежде Ксавьер так не делал. Что это? Способ согреть? Его попытка извиниться за то, что их
брак далек от идеального? Или – невероятно, но допустим – ухаживание?

«Интересно, а нежности в договоре прописаны? - задумался внутренний голос. - Может, тебе тоже что-нибудь сделать в ответ. Ну там, хоть в щечку чмокнуть».

Но Марина решила, что в данном случае отсутствие действий - это тоже действие и еще какое. Так что она лишь слегка шевельнула плечом, отыскивая удобное положение, и попыталась снова заснуть, хотя при таком тесном «общении» это было сложно. Но раз уж они теперь и правда женаты, надо же хоть иногда позволять мужу потрогать себя? А то вон уже и ребята смеются, не стесняясь.

Экстра про Уильяма

Уилл лежал и страдал. Он стер себе ноги. Юный маг-алхимик знал с десятков разнообразных средств от этой простейшей проблемы, однако ни один не смог применить в походе без своего набора.

“Блин, только магии могли придумать идти пешком целый день кляду!” - мысленно возмущался он, думая, что ему делать с этой проблемой.

Пожаловаться и попроситься в экипаж? Но эти придурки же ржать будут, обзывать слабаком. Сжать зубы и терпеть? Так до кости можно ноги сбить! Идти босиком? Тоже далеко не уйдет.

Был еще один вариант: кисейка дорожная – не приметное растение, что ускоряло заживление ран и оберегало их от заражения. Ее листья можно было примотать к мозолям и серьезно облегчить этим себе жизнь. Однако Уилл не сообразил нарвать ее в лесу подле Академии, а вдоль дорог это влаголюбивое растение не росло.

Прикинув варианты так и эдак, Уильям решил дождаться рассвета и сбежать до ближайшего леса. Там наверняка найдется то, что нужно, и можно будет забинтовать ноги, пока его никто не видит. Уж лучше немного не выспаться, чем еще один день мучиться от боли.

Однако дождаться предрассветного часа оказалось не так-то легко. Глаза так и норовили сомкнуться. Если б не безостановочная “движуха” среди мажиков, Уилл бы точно уснул. Но на сеновале постоянно что-то происходило.

То Флосси придурилась и щекотала лицо демону, отчего тот спросонья бил себя по лицу, искренне считая, что это комар. То училка со своим мужем затеяли занудную ночную беседу. То одна из валькирий зачем-то полезла на крышу, а следом за ней пополз этот змееобразный монстр, а то и вовсе на Уилла навалился храпящий вампир, клацинув во сне своими зубами возле самого уха парня.

В общем, Уильям с горем пополам все-таки сумел дотерпеть до рассвета и не заснуть. И как только рассвело достаточно, чтобы можно было разглядеть, где кто лежит, и не наступить ни на чью руку, он поднялся и осторожно пошел к спуску. Но зацепился за балку, подло присыпанную трухой, и выругался сквозь сжатые зубы.

Тут же, как по заказу, из ближайшей копны сена поднялась ушастая голова с торчащими во все стороны травинками, что застряли в длинных волосах.

- Ты чего не спишь? - сонно потерев глаза, спросил его Леам, поняв, что никто на них не нападает, и расслабившись.

- По надобности пошел, - ляпнул Уилл первое, что пришло в голову. - Спи.

- А-а, - протянул эльф и послушно завалился обратно.

Уилл двинулся на выход уже куда более осторожно. Перемахнул два спящих тела, спустился по разошедшей поскрипывающей лестнице и только было пошел на улицу, как его настиг холодный голос:

- Куда намылился?

Из темноты вынырнули сначала чуть поблескивающие глаза, а затем - длиннорогая фигура.

- По своей надобности, - буркнул Уилл. - Тебя не спросили.

“Еще один полуночник”, - мысленно закатил он глаза, не без опаски оглябая мускулистую фигуру демона.

- Туалет с другой стороны, - сказал Амадеус, когда Уилл, наконец, дошел до выхода и свернул было к лесу.

- Без тебя знаю! - буркнул он, цыкнул и пошел к будочке, хотя ему нужно было совсем не туда. Но делать было нечего, и пришлось сначала сходить по утреннему делу.

Закончив свои дела, Уилл наконец свернул было к лесу, но тут на него как будто с неба сверзился Шессер, хлестнув хвостом по дорожке перед парнем так, что пыль поднялась.

- А скажи-ка мне, милый друг, за каким хреном ты увязался с нами в Освению? - вкрадчиво спросил чешуйчатый.

- Каким-каким... золотым с бриллиантами, - буркнул Уилл, вовсе не желая раскрывать душу перед этим красавчиком с криминальным прошлым, но уже понимая, что неприятного разговора не избежать.

- Шпионить он за нами собрался, как пить дать, - ответил Амадеус, подходя сзади. - На слушании нас подставил – выслужился перед Тельпе. Сейчас и из Освении на нас доносить будет.

- Может, свернем ему шею и скажем, что так и было? - предложила вдруг пустота над левым плечом Уильяма, заставив его шарахнуться.

- Или просто накажем, как полагается, - предложил Шерман, тоже выкруливая из-за угла. - За подставу.

- Мысль хорошая, - задумчиво протянул Амадеус, поигрывая в воздухе когтями и будто примериваясь, к какой части тела их лучше применить, чтобы старшие ничего не заметили. Уильям сглотнул и хотел было попятиться, но его уже взяли в кольцо.

- Отвалите! - бессильно рыкнул он. - Или я применю магию!

- Ты ее вчера весь день применял и сейчас пуст, как казна Галаарда, - хмыкнув, сказал Амадеус. - Думаешь, мы не почувствовали?

Уильям смутился. Он действительно весь день, как мог, пытался облегчить состояние своих ног: охлаждая кожу, а временами и переходя на левитацию - заклятие, недоступное большинству человеческих магов ввиду его энергозатратности. И сейчас его резерв был действительно пуст, и ответить обидчикам было нечем.

А кольцо нападающих уже явственно начало сжиматься, и выражения лиц были такими холодными, что Уилл понял: не шутят. И в момент, когда он уже решил было совершить отчаянный прыжок и попытаться удрать от них – что у него почти наверняка не получилось бы – от двери донесся звонкий голос:

- Оставьте его, - сказал Леам, зевая. - Ноги он стер. За кисейкой, наверное, пошел.

Уилл скрипнул зубами. Он не был готов получить помощь от магика. Но другой не было.

- Чего ты его защищаешь? - скривился Модька, опуская когтистую руку. - Подонок же, каких поискать.

- Да, но если вы его отмутизите, сами будете не лучшие, - резонно ответил эльф. - Да и от Марины Игоревны достанется.

- Но он же нас опять подставит! - напомнил Денеба. - Надо хоть раз показать, что бывает за стукачество.

- Он и так уже понял, - нахмурился эльф, подходя ближе и разрывая мрачное кольцо оцепления своей светлой фигурой.

- Да нихрена он не понял! - возмутился Денеба. - И не поймет, пока не покажут. Так и будет шпионить и стучать. Что, прикажешь охранять его, как барыню? Кто за ним следить будет?

- Ну, я послежу, - вздохнул эльф, косясь на Уилла.

- Вот тебе заняться больше нечем, - заметил Шерман.

- Лучшие так, чем мордобой, - пожал плечами Леам. - Вы меня извините, парни. Понимаю: у вас за плечами война и колония, вам виднее. Но мне как-то все это... не по душе.

Они помолчали, обдумывая эту позицию.

- Дело твоё, - подвел итог Шессер. - Но тогда смотри за ним в оба. А ты...

Чешуйчатый повернулся к Уиллу.

- ... только попробуй нас еще раз подставить, - Шессер сжал кулак перед его носом. - Лично в отбивную превращу.

- Ага, с кровью, - многообещающе добавил Амадеус, поиграв в воздухе когтями.

- И поджарочкой! - хохотнул невидимый Денеба.

Шерман же ничего не сказал, но и не возразил.

Высказавшись, компания одарила Уильяма напоследок презрительными взглядами и удалилась обратно на сеновал – то ли досыпать, то ли еще какими-то своими тайными делами заниматься, что не давали им спать по ночам.

- Держи, - сказал Леам и протянул Уильяму пучок уже подвявших листьев. - Ксавьер вчера целый мешок нарвал и поделился со мной, когда я ноги сбил. Но мне столько тоже не надо, так что бери.

Уильям молчал почти четверть минуты, глядя на него в упор. А потом все же ответил:

- Спасибо, - через силу сказал он и взял пучок листьев, чтобы было непонятно, за что именно благодарит. Но Леам не стал уточнять – кивнул и просто ушел досыпать, оставив Уильяма наедине со своими раздумьями

Глава 4.

Второй день путешествия оказался чуть более удачным. Бабка действительно была практически слепой, одинокой, и была рада принять в оплату постоя помощь по хозяйству. Ей и дров накололи, и крышу подлатали, и конюшню вычистили, и на огороде помогли. А бабка за то пустила Криса похозяйничать на кухне, и у всех был нормальный обед, так что обе стороны разошлись довольные.

До следующей станции, как оказалось, они не дошли совсем немного. А, дойдя, поняли, что с бабкой им повезло: ни одного свободного «номера» на станции не было, и переночевать там они все равно бы не смогли. Более того – станционный смотритель был агрессивно настроен по отношению к магикам. Так что экипаж им тоже не достался, даже самый плохонький.

- Ну, - подвела итог Марина. – Зато денег сэкономим. Кто готов на марш-бросок?

Идею встретили без энтузиазма, но и без возмущений, и весь второй день путешествия прошел под флагом здорового образа жизни: чудесная природа, прекрасная погода, физическая нагрузка и психологическая разгрузка. Марина успела поскучать по родному миру и даже разок тайно всплакнуть по оставленному корпусу – не от сожаления, просто вдруг почему-то тоска расставания накатила.

Леам, шедший рядом, как будто прочитав мысли, в какой-то момент спросил ее:

- И не жалко было оставлять корпус? Это ведь практически Ваш дом. И мы там только-только все хорошо устроили...

- Ну, что поделать, - философски пожала плечами Марина. – Знаешь, Леам, Дом – это не здание. Дом – это место, где живет семья. К тому же мы ведь скоро вернемся, так?

Эльф как-то странно посмотрел на нее, помолчал немного и заметил:

- Если Святая Инквизиция правда ослабила режим, многие захотят остаться в Освении.

- Почему? – не поняла Марина. – Господин Гарден сказал, что ваши дома почти наверняка разрушены или заняты. И что там может быть опасно.

- А какая разница? – пожал плечами Леам. – Нам везде опасно. Но Вы сами сказали: Дом там, где семья. А большинство наших свои семьи потеряли. Они захотят остаться в Освении и попытаться найти своих. Флоксы, Персик, Амадеус, Шессер, сестры... Что, если мы разделимся и уже никогда не соберемся под одной крышей?

- Ну, что ж, - подумав, сказала Марина и вздохнула. – Это тоже правильно: каждый сам решает, где его семья. Может, так даже лучше, что у ребят появится выбор. И чувство, что где-то там есть место, где их помнят и ждут. Порой, даже самой мысли об этом достаточно, чтобы чувствовать, что Дом у тебя все-таки есть.

- Наверное, Вы правы, - подумав, сказал он. – Я это всегда ощущал, но сформулировать не мог. Еще когда только заехал в корпус, неловко себя чувствовал, что меня дома ждут, а остальных – нет.

- Ну, вот, теперь и остальных будут ждать, - улыбнулась Марина. – Там, в старом корпусе. Ты знаешь, я даже сама чувствую какую-то... надежность, что ли. Уверенность, что если все пойдет не так, то я всегда могу как-нибудь да доковылять до нашей «крепости». А там меня уж согреют и откормят.

- Вообще, да, там такие уютные люди остались: Касси, Еж, дядя Мадя, господин Морден, Поморник, Дубок, - признал Леам. – Ну и Гора с Пузырем – они тоже такие... привязываются больше к месту. Я даже как-то уже и не могу представить себе корпус пустым. Кажется, будто они всегда там были.

- Особенно Дубок, - фыркнула Марина. – Ты, кстати, видел: он побег сквозь крышу пустил.

- Нет, не видел, - улыбнулся Леам.

- Чую, когда вернемся, у нас вместо кровли будет шапка зеленая, - хмыкнула девушка.

- Не, он к зиме листву от холода скинет, а мы раньше вряд ли вернемся, - подумав, сказал Леам. – Как-то глупо такое огромное расстояние преодолеть ради пары недель. Мне кажется, Ксавьер захочет остаться там на некоторое время. Если будет, где, конечно...

На последней фразе эльф понизил голос и покосился на идущего впереди мужчину.

- Что ты имеешь в виду? – не поняла Марина.

- Так ведь его родителей признали предателями, - еще тише напомнил Леам. – Обычно в таких случаях все имущество изымают в пользу государства. Сбережения и ценные вещи вроде редких картин и прочих коллекционных редкостей почти наверняка уже изъяли, а земли с крестьянами передали кому-то другому. Да и всю принадлежащую роду недвижимость могли арестовать.

- Хочешь сказать... - нахмурилась Марина.

- ... что в родительский дом он вряд ли вернется, - подтвердил Леам. – У Ксавьера от прошлого только имя осталось. А если, пока нас не было, его тоже признали предателем, то... умм... В общем, вам лучше бы первое время не показывать, что вы женаты. Тогда в самом худшем случае Вы можете сказать, что не знаете его, и уехать – инквизиция не вправе Вас задерживать, Вы даже не магик.

Марина снова посмотрела на идущего впереди Ксавьера, и у нее кошки на душе заскребли. Нет, она никогда не была богатой или знатной женщиной и понятия не имела, насколько это больно – навсегда потерять то, что должно было обеспечить твоё будущее. Но подозревала, что с потерей будущего смириться очень и очень нелегко.

Как это вообще: живешь такой, строишь планы, гордишься родительскими владениями и тут – бац! – все, что имеешь, вдруг изымает государство. А ты идешь на улицу, обворованный, обогланный, оплеванный, да еще и с умениями, которые не способен применить для своего выживания. Кому нужен юрист-бомж? Политик-бомж? Какое доверие к такому специалисту?

- Несправедливо, - буркнула Марина, неожиданно чувствуя, как в ней просыпаются силы для борьбы. Ксавьер, похоже, когда-то пережил не только потерю родных, но и личностный крах. И все, что он мог сделать в той ситуации – это научиться с достоинством проживать жизнь бедняка.

Однако Марина знала: если очень сильно захотеть, то уж на один-то класс можно подняться! Тем более, Ксавьер успел посмотреть на устройство общества с двух диаметрально противоположных сторон. В отличие от настоящих бедняков он знал, как это общество устроено, и мог отыскать для себя путь пусть не на вершину, но хотя бы до надежной середины.

«Хорошая мотивация – основа для успеха, - мысленно сказала себе Марина, выпрямляя спину. - Надо как-то простимулировать его двигаться дальше, не заикливаться на смирении с ситуацией».

«Ага. Роди ему наследника – будет железная мотивация, чтобы пахать, как проклятый», - хмыкнул внутренний голос.

«Вот только попробуй ополшить мой настрой! - мысленно пригрозила ему Марина. – Я хочу вернуть человеку чувство собственного достоинства».

«Себе его сначала отрасти», - хмыкнул ее незримый собеседник.

Фраза была явно шуточной, но Марина вдруг поняла, что в этом есть доля истины. Если смотреть объективно, Ксавьер вынужден был жить в окружении бедняков и подобных себе – потерявших все аристократов, таких, как Модька. И это окружение хоть и любило его, но тянуло на дно, как в той теории про ведро с крабами. Марина прежде всегда гордилась тем, что достойно проживает свою жизнь бедняка. Но для Ксавьера она стала одним из тех, кто сильнее всего удерживал его на самом дне.

Осознание этого неожиданно больно кольнуло Марину. А был ли Ксавьер единственным, кого она тянула вниз? Не было ли в ее прежней жизни людей, которые без нее поднялись

бы гораздо выше? Черт возьми, да через ее руки прошли тысячи учеников! Среди них почти наверняка были способные на большее, а она не заметила, не сказала вовремя: тебе нужен лучший учитель, не держись за меня.

А семья? Чего могла бы достичь ее семья, если б Марина чуть больше верила в близких? Быть может, скажи она в какой-то момент жизни важную фразу, и сестра нашла бы себе лучшую работу, мать занялась бы хоть чем-нибудь интересным, а может, и отец бы не пошел по наклонной...

У Марины ком в горле собрался.

«Тебя что, кризис среднего возраста догнал? – сочувственно поинтересовался внутренний голос. – Ну, что ж, поздравляю. Только давай не будем в нем засиживаться – и так вокруг сплошная жопа. Если еще и нюни разводить... Проще сразу удавиться. А я жить хочу. Так что давай, вспоминай институтский курс психологии развития. Зачем нужны кризисы?»

«Чтобы выходить на новый жизненный этап», – через силу ответила Марина.

«Ну вот, умничка. Все ведь сама знаешь, – воображаемо покивал ее незримый собеседник. – Так что кончай сопли на кулак наматывать. Цель поставила – и вперед. Кризис – это конец и начало. С чем надо покончить, ты определилась. Что надо начать – тоже вроде как смутно, но уже видишь. Погнали! В смысле, взбодрись. Будешь долго ныть по упущенным шансам – упустишь новые».

Внутренний голос был, разумеется, прав. И хоть Марина сама еще не очень поняла, какую цель себе поставила, но силы на ее достижение у нее неожиданно появились.

На следующей станции им снова не повезло. У Марины начало складываться ощущение, что чем дальше от города, тем дурнее люди. Хотя, вроде как, деревенские должны быть более душевными и понимающими. Но нет, с каждой новой станцией ненависть к магикам только набирала обороты. Хорошо хоть, их было много, и местные хоть и угрожали, но всерьез не лезли.

Однако путешествие на своих двоих здорово утомляло. Мозоли держались в пограничном состоянии: и не увеличивались до катастрофических размеров, и не заживали. Причем мозоли у нее появились не только на пятках, но и в других местах стопы, хотя, казалось бы, кроссовки были удобные и не новые.

А вот мышцы не сказать, чтобы сильно жаловались. То есть, жаловались, конечно, но Марине это было даже приятно. Все время, кроме раннего утра.

Из-за невозможности по-человечески снять номер на станции им дважды пришлось ночевать под открытым небом. И увы, оказалось, что даже самый жаркий костер с одной стороны, и смущающий, но горячий мужчина с другой не способны полноценно уберечь от предрассветной холодрыги. Сколько бы вещей посреди ночи ни надевала на себя Марина, все равно к рассвету замерзала и спустя пару дней осипла и начала подкашливать.

Так что когда на четвертый день она настороженно уточнила у смотрителя очередной станции, не будет ли он против пустить на ночлег группу магигов, и в ответ увидела безразличное пожатие плечами, ее радости не было предела!

Они оплатили две комнаты и отоспались в них с таким превеликим удовольствием, будто это были царские палаты. Марина даже начала понимать, что за чувство владело Ксавьером, когда он распивал вино на вечере у Гарденов: действительно, когда после долгого перерыва возвращаешься к привычной человеческой жизни, простые вещи кажутся невероятно приятными.

Матрас, подушка, простыни – да это чудо просто! Еще и без клопов – вообще шик! А когда оказалось, что тут еще и кормят, Марина едва не расцеловала смотрителя.

Чуть позже она поняла, в чем дело. Эта станция была узловой и стояла на пересечении Освенско-Галаардского тракта и популярного торгового пути, так что местный смотритель

постоянно встречал толпы разнообразного народа и попросту устал быть ксенофобом. Теперь он делил людей только на тех, у кого деньги есть, и на тех, у кого их нет. А у Марины они пока были: на предыдущих станциях сэкономили. Так что они с ребятами не только сладко проспали всю ночь, но и вкусно позавтракали рано утром.

С лошадьми, правда, и тут была загвоздка. Смотритель сказал, что как раз недавно мимо проехала правительственная делегация в Освению. Экипажи у этих людей, естественно, были свои, а вот лошадей они меняли на каждой станции. В итоге лошади вроде как были, но нуждались в отдыхе.

Ну, Марина расстраиваться не стала: им отдых тоже был очень даже кстати. Позавтракав, они всей компанией развалились на стульях в светлой просторной столовой. Утренний свет лился сквозь пыльные стекла, а мысль, что никуда не надо спешить и можно дать отдых ногам, грела душу.

Марина лениво оглядела свою компанию и вдруг заметила, что глаза Леама горят живым интересом. Парень явно решал, стоит ему заговорить с мужчиной, сидящим неподалеку, или нет.

Марина проследила за его взглядом и в удивлении вздернула брови. За барной стойкой с кружкой пива и россыпью бумаг сидела точная копия Леама, только лет на десять старше и не с такими длинными ушами. С первого взгляда девушка приняла незнакомца за эльфа, но потом отказалась от этой мысли. Несмотря на явное сходство, мужчина, похоже, все-таки принадлежал к иной расе, а то и вовсе был человеком.

Было непонятно, что так привлекло внимание Леама. Из всего необычного Марина заметила разве что странные серо-серебристые татуировки, густо оплетавшие запястья незнакомца и как будто уходившие под кожу: как на тыльной стороне ладони, так и выше. Они смутно блеснули, когда мужчина начал что-то записывать.

Наконец, Леам все-таки насмелился.

- Пишете книгу о своих впечатлениях? – спросил он, уважительно поглядывая на ученого мужа.

- Вторую часть “путеводителя”, - пояснил тот, дописал фразу и, не дожидаясь, пока высохнут чернила, убрал листы в сумку. А Марина только сейчас поняла, что у него в руках была шариковая ручка!

- Того самого? – еще пуще оживился Леам.

- Ну, не знаю, того или не того, - хмыкнул мужчина, наконец, оборачиваясь к собеседнику. – Но, полагаю, желающих и умеющих составлять магические карты на свете не очень много. А что, читали?

- Нет, - честно сказал эльф. – Его не достать. Говорят, в Академии был один экземпляр, но его берегли, как зеницу ока, и никому не показывали.

- Ну, так держи второй, - мужчина вытянул ладонь, и вдруг совершенно из ничего в воздухе возникли магические завихрения, а из них то ли выпала, то ли соткалась книга.

- Уау! – только и смог вымолвить Леам, обеими руками, как величайшее сокровище, принимая драгоценный фолиант.

- Эх, дети, - хмыкнул маг и по-отечески похлопал парня по плечу. – Ладно, мне пора. Дома заждались, а мне еще идти и идти. Чую, в этот раз схлопочу по полной. Если Она меня вообще примет, конечно.

Он встал, скинул плащ, собрал листы в сумку, махнул рукой и...

- Ух ты ж... - вырвалось у Марины, когда из пространственного портала, открывшегося посреди комнаты, ударил шквалистый ветер, и ей пришлось схватиться за деревянную опору.

- Да, Покинутый мир – он такой, - перебивая ветер, с улыбкой сказал маг, расслышав ее замечание. – Счастливо оставаться!

Он махнул им на прощание рукой, пригнулся и пошел, сопротивляясь порывам адского ветра. Но стоило ему миновать неумовимую границу, как портал вдруг схлопнулся, вой смолк, а ветер утих. Забытый магом чистый листок в полной тишине медленно и печально опустился из-под потолка на стол. За спиной Марины выругался наблюдатель.

- Что это было? – спросила она в установившейся тишине.

- Это был автор «Путеводителя по звездам», - с восхищением протянул Леам, нежно прижимая к груди новенький фолиант.

Марине это ни о чем не сказало.

- Один известный в магических кругах путешественник, - пояснил менее впечатлительный Уилл. – Маг-природник с неограниченным запасом сил – прям, как у магов. Говорят, он часто через наш мир шастает, когда домой возвращается. Открывает порталы напрямую между мирами, сшивая ткани пространства. Просто чудовищно неоправданный расход энергии!

Уильям недовольно покачал головой.

- Говорят, он пользуется силой богов, - заметил Леам. – Если это правда, то что ему твои порталы? Он целые миры может менять.

- Богов не существует, - хмыкнул Уильям. – Это все сказки для малообразованных людей.

- Сам ты... - оскорбился Леам, но сдержался от ответного оскорбления.

- А ты что – верующий? – Уильям окинул одноклассника насмешливым взглядом. – После всего того, что церковь с вами сделала?

- Церковь и вера – не одно и то же, - оскорбился эльф. – Церковь создана людьми, а не богами. А люди порой ошибаются. И очень сильно.

Он с намеком глянул на мага.

- А по-моему, боги тоже созданы людьми, - не остался в стороне Уильям. – Где невежество, там всегда Боги. Тебе не кажется, что здесь наблюдается прямая взаимосвязь?

- Мальчики, брейк! – вмешалась Марина, поняв, что сейчас состоится классический скандал между истинно верующим и ярким атеистом.

«И что этим людям вместе-то не живется? – подумала она. - Им ведь даже делить нечего!».

«Как это нечего? – хмыкнул внутренний голос. – А пьедестал почета в установлении истины? Нам вот с тобой тоже делить нечего – все общее. А как приятно пособачиться! Адреналин!»

- Да просто наши достижения в магической науке так малы, что нам до богов еще расти и расти! – запальчиво заявил Леам, своей горячностью подтверждая слова внутреннего собеседника Марины.

- Брейк, я сказала! – уже жестче повторила девушка, разводя руки и разделяя парней. – Еще раз услышу спор между вами на эту тему, и будете оба учиться на золотарей, а не на алхимиков. Все, забыли.

Два парня уставились друг на друга, стараясь передать невысказанное уже взглядами. И хоть они были совершенно не похожи друг на друга – золотисто-солнечный эльф и жгуче-черноволосый маг – позы были абсолютно одинаковые.

«Какая прелесть! – умилился внутренний голос. – Ставлю все наши деньги, что друзьями будут. Закадычными».

Марина спорить не стала: денег было жалко, да и так понятно, что внутренний голос прав. Вопрос только, когда дойдет до этих двоих.

- Вот бы нам тоже так, - завистливо протянул Крис, глядя на то место, где исчез путешественник. – Щелк – и ты уже где надо. Ну, как ректор.

- Ты хоть знаешь, сколько порталы стоят? – фыркнул Уилл, переводя свое внимание на демона. – Мало того, что их наводить архисложно, так еще подпитка требуется такая, что тебе

и не снилась. Ума не приложу, как освенские маги заряжают эти штуки. Все бы отдал, чтоб хоть глазком посмотреть! А лучше – поучаствовать.

- Оставьте тему, - совершенно неожиданно подал голос молчавший все это время Ксавьер. – Чтоб больше никаких разговоров о магии в общественных местах.

- С чего это вдруг? – фыркнул Уилл. – Магия – моя профессия. Как я должен ей учиться, если о ней нельзя говорить?

- Молча, - отрезал Ксавьер и вновь потерял интерес к беседе, уставившись в неизмеримую даль за пыльными стеклами.

Марина нахмурилась, пытаясь понять, откуда эта вспышка и грубость, но расспрашивать не стала.

На пятые сутки Галаард закончился. Никто этого Марине не сказал, она сама почувствовала. Дорога стала другой, разметка на столбах изменила цвет, придорожные деревни выглядели иначе, да и люди были совсем другими. Они даже проехали что-то вроде пограничного поста.

Впрочем, там с них не потребовали ни пошлины, ни удостоверений личности, только просветили артефактами и... сплюнули. На этом таможенный контроль был пройден. Ребята переглянулись с плохо сдерживаемым волнением в глазах и молча двинулись дальше следом за нагруженным вещами экипажем. Заговорили они только много позже, да и то тихо и неуверенно.

- Даже идентификационный артефакт не попросили, - прошептал один.

- Вообще странно. А помнишь, как выпускали? Я думал, рассекут надвое прямо на границе! – заметил второй.

- А ты по дороге, что ли, тогда уезжал? – ответил третий. – Вот чудик! Все нормальные люди валили через лес или по взгорью – там постов нет, только егеря.

- Ребят, а у вас нет ощущения, будто все это дурно пахнет? – слышался ясно различимый голос Шермана.

- Так Уильям впереди идет, вот и пахнет! – хмыкнул уже более смело и отчетливо Модька. Народ поддержал шуточку дружным смехом.

- Не, я серьезно, - сказал Шерман. – Почему нас так легко пропустили? Я думал, шмонать будут как минимум, а то и поколотят.

Однако, похоже, на границе действительно никого не задерживали, потому что спустя некоторое время они встретили одиноко бредущую парочку явно нечеловеческого происхождения. Маринины магии обменялись с незнакомыми настороженными взглядами, но разговаривать не стали – и так было понятно, что эти двое тоже напряжены и ждут подвоха.

Однако вешка сменяла вешку, а ничего не происходило. Более того, на новой станции их встретили уже привычной ксенофобией и попытались содрать денег за якобы попорченный экипаж. Однако Ксавьер пустил в дело свой талант юриста и дипломата и кое-как, но убедил зрителя, что тот не прав. Магилом Ксавьер не выглядел, одежду носил хоть и старую, но “городскую” и разговаривал, как благородный. По всей видимости, именно это и стало решающим фактором в споре.

Однако возможности переночевать в тепле ребята снова не получили. Точнее, Ксавьера, Марину и Уильяма-то согласились пустить, но соглашался на это только Уильям. Однако узнав, что спонсировать индивидуальный номер ему никто не будет, передумал и переночевал вместе со всеми под открытым небом.

В ту ночь Марина все-таки простудилась, и оставшиеся три дня пути мучилась с жесточайшим насморком, так что свежие впечатления и красоты нового места как-то не доходили до ее сознания. Полегчало ей, только когда они переночевали в теплой норе. Да-да, настоящей норе – огромной и навевающей потустороннюю жуть.

Марина долго не соглашалась даже подходить к этому месту: внутренний голос запаниковал и ни в какую не соглашался лезть в мрачную земляную дыру, вокруг которой виднелись обломки костей и какая-то чешуя. Преодолела она себя, только когда Шессер, смущаясь, признался, что это было их семейное логово.

Много сотен лет назад его предки – довольно далекие от образа цивилизованного человека – зимовали в таких норах, меняя шкуры и спариваясь по весне. Однако не всех устраивал такой образ жизни, многих привлекали блага цивилизации, и постепенно эти норы стали просто местом встреч для желающих создать семью или скинуть шкуру вдали от любопытных человеческих глаз, а «староверы» окончательно одичали и уползли в безлюдные территории.

Шессер признался, что надеялся найти здесь кого-нибудь из знакомых, но не слишком на это рассчитывал: для весеннего сезона любви было слишком поздно, а для зимовки – слишком рано. Если только кто-то из часто линяющих малышей мог сюда заглянуть. Но увы, нора была пуста, хоть и завалена костями и старыми, рассыпающимися на чешуйки шкурами.

Зато спать на многослойной толще шуршащей чешуи было очень тепло. За столетия чешуек скопилось так много, что в них запросто можно было закопаться. И для того, чтобы согреться, их компании не понадобился даже костер: земля и чешуйки прекрасно хранили тепло тел, так что с некоторой натяжкой Марина признала, что, наверное, здесь и правда можно зимовать. Если всей семьей, конечно.

Единственное, к утру стало душновато, но Шессер объяснил, что при желании его народ может погружаться в продолжительный сон, в котором они почти не дышат и не нуждаются в пище. Если, конечно, перед сном плотно перекусят чем-нибудь сытным типа барашка.

«Или человечинки», – добавил более мрачно настроенный внутренний голос.

В целом Марине даже понравился новый опыт. Ночевка в змеином логове чем-то напоминала бассейн с поролоном из ее детства, в который полагалось падать, когда срываешься с гимнастического бревна. Чешуйки приятно шуршали, перекачивались, пружинили и красиво переливались в свете inferнального ночного зрения Флоксы. Марина закопалась в эту массу почти полностью, а к утру почувствовала, что насморк чудесным образом исчез.

Был ли у змеиной чешуи какой-то лечебный эффект или просто иммунитет Марины после «дозаправки» силой Ксавьера стал достаточно силен, чтобы одолеть насморк за три дня, она не стала гадать. Что, если вдруг окажется, что из чешуи Шессера можно приготовить сильнейшее противовирусное средство? Да за ним и ему подобными начнут с гарпунами охотиться! Нет уж. Это был тот случай, когда меньше знаешь – крепче спишь и реже плачешь.

...

Зато, освободившись от томившего ее насморка, Марина, наконец, смогла по достоинству оценить красоту Освении и даже понять, почему ребята почти единогласно пожелали сюда вернуться хоть на несколько дней.

Освения будто сошла со страниц книги со сказками. Эта страна располагалась в гористой местности со сложным рельефом, и когда Марина первый раз глянула с возвышения на одну из долин, у нее дух захватило! Долина утопала в зелени. Одна из гор представляла собой комплекс розово-перламутровых бассейнов с горячими источниками. Они исходили паром, тот поднимался и оседал снегом на вершинах гор.

Периодически оттуда скатывались крупные куски сверкающих снежных массивов и насыщенно-голубого цвета льда. Попадая в расщелины, они, видимо задевали раскаленные участки породы, и снизу снова с шипением вырывался пар, а большая часть растаявшей воды пополняла бассейны.

Марину безумно манило искупаться в одной из этих природных ванн, покрытых сверкающими жемчужными наслоениями. Но Ксавьер сразу предупредил, что это место смертельно опасно: как из-за постоянных маленьких лавин, так и из-за перегретого пара и обжигающих

течений. К тому же, по его словам, там обитали какие-то агрессивные магические существа. Правда, Марина так ни одного и не разглядела.

Вообще, из косвенных оговорок она поняла, что в Освении много не только уникальных природных красот, но и «мест силы» – магических жил, возмущения которых периодически вызывали появление новых магов.

По сути, это был некий мутагенный фактор. Однако, в отличие от той же радиации, он не убивал людей, не вызывал болезни, а неведомым образом давал живущим на сложной территории существам возможность адаптации. Причем чаще всего эта адаптация происходила из слияния человека и какой-то части природы.

Так, слияние человека с морскими существами породило сирен, с дикими ящерами – разумных драконов, со змеями – наг и так далее. Это было в целом понятно, и Марина даже почувствовала, что начинает познавать суть этого природного процесса. Пока ей не попытались объяснить, как возникли существа типа Пузыря. Вот тут ее мозг вошел в ступор и выходить из него отказался.

То, что два живых существа – скажем, человек и ящер – способны под влиянием внешней силы слиться воедино и породить нечто новое, она еще могла представить. Но как человек мог слиться с болотом? С глиной? С воздухом? С магнитным полем? Тут Маринины познания в физике и биологии затрещали по швам, и ей пришлось признать, что магия – это все-таки отдельная наука со своими законами и правилами.

Однако после такого подробного знакомства с особенностями магов она стала лучше понимать причину ксенофобии, царившей в этом мире. Магики на человеческий взгляд действительно были слишком чуждыми. Они даже друг для друга были чуждыми. И, судя по рассказам, в прошлом часто случались стычки между разными расами. Однако единое гонение на магов заставило тех сплотиться и начать куда толерантнее относиться друг к другу.

И все же было в этой стране при всей ее опасности что-то невероятно привлекательное. Все эти сказочные пейзажи, сложно выстроенные горные поселения, каменные громады старинных замков и изящные комплексы дворцов, видневшиеся в отдалении, притягивали взор и кружили голову. И когда Марина, наконец, вошла в Крамарин – столицу Освении – она была готова признать это место самым красивым, какое когда-либо видела в жизни.

Глава 5.

Столица Освении была огромна – что по площади, что в высоту. Уильям, который никогда такого не видал, принялся недовольно ворчать – мол, на него стены давят, и вообще, почему все такое гигантское, будто для Поморника строили. Для Марины же широкие четырехполосные дороги, раздольные тротуары и многоэтажная застройка не стали чем-то удивительным. Как и невероятные толпы народа, снующего туда-сюда.

Впрочем, архитектура, конечно, разительно отличалась. Марине это напомнило смесь рококо и модерна: общие формы от первого, детали – от второго. Причем в одежде наблюдалось то же самое: формы юбок и корсеты напоминали о более древних временах, а вот шляпки, вышивка и прочие мелочи – о поздних.

Марина представила себя в таком наряде, и ширина улицы сразу стала оправданной: с такими «жопками» дамам нужно было пространство. А конному транспорту – тем более.

«Ну, жить тут, положим, так себе идея, - не смог не покритиковать внутренний голос. – Но для бизнес-центра вполне приемлемо».

«Это наверняка просто зона такая, - заметила Марина, вглядываясь в детали. – Смотри, как много вывесок. Это что-то типа гипермаркетов, но на местный лад. А жилые районы наверняка дальше».

Пока она глазела на переливающуюся магическими огнями рекламу вееров, мимо с шумом пронесся... автомобиль!

- Твою ж мать! – выругался Уильям, отскакивая. – Что это?

- Энергомобиль, - хмуро ответил Ксавьер. – Похоже, уже поступил в продажу.

- Нет, - покачал головой Леам, всматриваясь в удаляющийся транспорт. – На нем знаки Святой инквизиции. Наверное, их по гранту выпустили, для государственных нужд.

- Да, возможно, - не стал спорить Ксавьер, который с каждой минутой становился все мрачнее. Его аура давила настолько сильно, что Марине пришлось прилагать усилия, чтобы игнорировать чужой негатив. Она даже насмелилась взять мужчину под руку и улыбнуться ему в знак поддержки.

Ксавьер ответил ей тем же, но его улыбка получилась какой-то вымученной.

Долго гулять по главным улицам у них не получилось: группа нищевродеки одетых магов в явно дорогом торговом квартале привлекала слишком много внимания, и люди уже начали останавливаться и перешептываться, глядя на них. Дождаться, пока кто-нибудь кликнет городскую стражу, компания не стала и самостоятельно покинула элитный и, похоже, молодежный район.

Ровно через четыре квартала пейзаж неожиданно сменился на более строгий. Исчезли крикливые рекламы, суета и чрезмерно напомаженные лица. Им на смену пришли сухие облики каких-то казенных зданий и степенные усатые мужи в темных костюмах и цилиндрах. Даже транспорт тут ездил как будто спокойнее – не то, что в торговых кварталах, где нет-нет, да и пролетали мимо лихие верховые, а то и тройки.

Но увы, и тут Марине не удалось толком полюбоваться пейзажем: все важные господа с тросточками и при усах как будто смотрели на них еще более неприязненно, чем расфуфыренная молодежь.

- Зря мы сюда днем пошли, - сказал Модька, чьи огромные рога и специфические черты лица притягивали взгляды особенно сильно. – Надо было вечером, по темноте. Не так бы в глаза бросались.

- Ага, - кивнул Персик. – А еще вечером не так жарко, можно плащи накинуть.

Марина покивала: на дворе еще стояло лето, и холодно было только ночами, а днем она в своей «униформе» здорово жарилась, а снять, увы, не могла.

Они немного обсудили этот вопрос и решили не идти в обратную сторону, а просто углубиться в районы победнее. Там, конечно, с еще большим шансом можно было нарваться на каких-нибудь неприятных личностей. Но опять же, бить морды преступникам было не так экстремально, как городской страже.

...

Сказано – сделано, и спустя четверть часа Марина уже имела возможность полюбоваться на местные трущобы. Увы, вот как раз они ее разочаровали. Трущобы вообще такая универсальная вещь, что они везде одинаковы, и смотреть там на что-нибудь как-то и не хочется. Однако им наконец-то удалось слиться с толпой. И это было очень и очень грустно.

«Бомжа-а-ары, бомжа-а-ары!» - изгалялся внутренний голос, и у Марины не было возможности его заткнуть. Они действительно наконец-то почувствовали себя тут свободнее. Более того, в разных темных закутках этих грязных переулков нет-нет, да и встречались магики. Только вид у них был такой, что разговор заводить не хотелось.

Они бродили по улицам долго. Ребята разглядывали город, обсуждали, что и где раньше было, да что изменилось. Вспоминали тех, кто здесь раньше жил, и тех, кто тут погиб пять лет назад.

Разглядывая обшарпанные унылые стены, Марина поняла, что здесь действительно когда-то шли бои: повсюду виднелись странные царапины, пробоины, следы взрывов. А в одном месте на стене даже имелись сажистые следы трех силуэтов, один из которых был рога-тым.

Марина не стала уточнять, откуда взялись эти следы, подозревая, что с уличным искусством они имеют мало общего и образовались совершенно по иным, насильственным причинам.

Неожиданно они остановились. Причем девушка по инерции налетела на тех, кто был впереди.

- Что случилось? – спросила она, выглядывая из-за их спин.

- Здесь был мой дом, - каким-то бесцветным голосом сказала Флокси, оказавшаяся впереди всех.

Марина глянула на пустую площадку, на которой торговали какой-то подержанной утварью. О том, что здесь когда-то стоял дом, напоминал только стык двух разрушенных стен да останки камина.

- От моего тоже только обломки остались, - сказал девочке Персик, беря ее за плечо. – Не смотри, пойдем дальше.

- Ваши-то хоть поломаны, - буркнул Шерман. – А в моем какая-то тетка живет. Даже вещи не выкинула, с-с...

- Чет я уже не хочу до своего дома идти, - отозвался Денеба.

- А я б до своего сходил, - сказал Леам. – Мы его продали, но все равно хочется посмотреть. Только вечером, когда глазеть никто не будет.

- Может, до вечера в какой-нибудь таверне посидим? – предложил Денеба.

- В притоне, ты хотел сказать? – мрачно фыркнул Персик. – Посмотри, какой тут нынче контингент.

- Ну, здесь и раньше-то не больно богатые люди жили, будем справедливы, - ответил Денеба. – Но вообще, ты прав. Нарываться не хочется.

- Давайте до моего дома сходим, - с мрачной решимостью предложил Амадеус. – Это далеко, но мы ж как раз хотели время убить до темноты.

Никто не был против, и они пошли за Модькой.

...

Идти пришлось долго – дом сына аристократов располагался на другом конце города, в более престижном районе. Зато, когда они, наконец, добрались, солнце уже начало клониться к западу, и высокие крыши бизнес-центра давали приличную тень.

Жара начала спадать, и магики нехотя принялись натягивать плащи, чтобы не привлекать к себе внимания. Плащи, правда, тоже были заметными – из-за надписей – но здесь никто не знал, что это за Академия такая и что за класс музыки в ней.

Дом Амадеуса – точнее, огромный особняк, огороженный каменным забором – был цел. Но, увы, Модьку тоже ждало разочарование:

- Они издеваются?! – он с размаху пнул табличку с выгравированными на ней затейливыми буквами.

Марина подошла и всмотрелась. Уроки Ксавьера не прошли даром, и теперь она более или менее разбирала тексты и смогла понять, что из дома Модьки сделали... сиротский приют.

- Это МОЙ дом, сволочи! – крикнул он и пнул чугунную ограду. – Да я вас засужу!

- Тихо ты! – Шерман и Шессер набросились на одноклассника с двух сторон, оттаскивая его от ворот: уж больно громко те гудели от пинков. Но демон не сдавался, и пришлось подключить «тяжелую артиллерию». В смысле, Кристел с Бристел. Одна нежно-стальным захватом обняла одноклассника поверх рук и принялась оттаскивать назад, а вторая следила, чтобы, брыкаясь, он никого не поранил.

- Ну, кто следующий? – наполовину в шутку, наполовину всерьез спросил Леам.

Но кроме него самого и Ксавьера в столице больше никто не жил, так что выбор был небольшой. Магики обменялись мнениями и решили, что раз уж разочаровываться, то всем. А после посещения дома Ксавьера их путешествие так или иначе было бы завершено: если дом в порядке, они сразу в него войдут, и никто не пойдет смотреть дом Леама и страховать парня, а если нет...

Последний вопрос не обсуждался, но каждый подумал, что у Ксавьера, наверное, есть какие-то соображения на этот счет – все-таки сегодня он был их негласным лидером.

...

С домом Леама получилось страннее всего. Он был действительно в полном порядке: маленький ухоженный двухэтажный особнячок с торговой лавкой на первом этаже – почти такой же, как в Галаарде, только чуток побогаче. И работавшая в лавке женщина даже узнала Леама и приветливо ему улыбнулась.

Однако разговор был полон неловкости, и всем стало ясно: эльфа не пустят посмотреть, как нынче выглядит место, где он провел свое детство. Ну, а уж о том, чтобы напроситься всей компанией на чай, и речи не шло: женщина то и дело оглядывалась, не видит ли кто, что она беседует с магами.

Пришлось Леаму тоже уйти, несолоно хлебавши. Впрочем, он не выглядел расстроенным, потому что и не ждал чуда. В отличие от всех остальных, он свой дом не потерял, а продал. Ну, не он, конечно, а его родители. Но все же у Леама было время смириться с мыслью, что он сюда уже никогда не вернется. А вот остальные, похоже, втайне надеялись вернуть себе уютное, и были жестоко разочарованы.

Марина не знала, что ей думать по поводу произошедшего. Конечно, ей было жалко ребят и хотелось обнять всех сразу и пожалеть, но во-первых, они в ее объятия разом не помещались, а во-вторых, не оценили бы таких нежностей. Она обняла только Флокси – та что-то совсем пала духом, и то плакала, то бурчала себе под нос какие-то угрозы, то рвалась обратно – искать что-нибудь памятное в обломках и расспрашивать всех подряд о родителях.

- Милорд, Ваша очередь, - наконец, сказал Шерман, и все повернулись к Ксавьеру.

Тот кивнул и двинулся в сторону более респектабельного района. Магики последовали за ним, молча переглядываясь.

На улице уже достаточно потемнело, чтобы на них перестали обращать внимание. Да и прохожих стало куда меньше. Фонарщик только-только начал обходить эту улицу, и по ее левой стороне не горело ни одного огонька. Вот там-то они и пошли цепочкой по двое.

Марина почувствовала сильное волнение, когда они попали в новый район, но не поняла, ее ли оно, или же это аура Ксавьера. Но на всякий случай она сильнее сжала руку мужчины. Теперь они шли мимо действительно шикарных особняков, практически маленьких дворцов. Там, за коваными оградками и живыми изгородями, горели теплые огни и слышались голоса, а в одном месте, похоже, начиналось мероприятие вроде салона у Гарденов.

То, что и Ксавьеру судьба не припасла ничего хорошего, Марина почуяла каким-то шестым чувством, едва глянув на темный участок в конце улицы. В огромном строении не светилось ни одно окно, а ворота были приоткрыты – совсем немного, но...

- Защита снята, - сказал Шерман, шедший впереди, и неловко оглянулся на Ксавьера. Тот ничего не ответил.

В полной тишине они, наконец, дошли до приоткрытой створки кованых ворот. Та была не только открыта, но и покорежена, и висела на одной петле, не суля ничего хорошего.

- Мы пойдем первыми, - сказала было Бристел, но Ксавьер остановил ее жестом и сделал шаг внутрь, в темное пространство двора. Марина нырнула следом и замерла, пораженная зрелищем.

Старый заброшенный вокзал, обиталище бомжей – вот, что напоминал нынче особняк семьи Брефеда. Саких бомжей, правда, не наблюдалось, зато следов их жизнедеятельности была уйма: постройки какие-то, хлам, следы разграбления и разведения костров прямо внутри дома. Стекла из окон местами были вынуты, а там, где не достать – выбиты. Стены расписаны углем. Запах стоял отвратительный, да и ветер завывал весьма неприветливо.

- Вот сволочи, - сказал Амадеус, неверяще качая головой при виде такого nepотребства. – Похоже, они специально не стали его запечатывать.

- Что? – не поняла Марина.

- На арестованные дома ставят магическую защиту, - пояснил Модька. – Но, похоже, Инквизиция специально не стала ее ставить. Формально, если у Ксавьера не отняли титул, то и дом должен был перейти к нему по наследству. Его должны были защитить магически. Но, похоже, намеренно оставили открытым – чтобы всякий мог надругаться.

- И разграбить, - мрачно добавил Персик, глядя себе под ноги, где даже тротуарную плитку расковыряли и вынесли, оставив только мелкие обломки.

Марина подошла к Ксавьеру, которого отпустила у ворот. Мужчина молча смотрел на единственную не разрушенную и не обгаженную часть здания – его шпиль, уходящий в самые небеса. Определенно, это было самое большое разочарование вечера, ведь вся их группа тайно надеялась пожить в этом месте. Все знали, что их тут не ждет ни сытный ужин, ни натопленный камин, ни богато обставленные комнаты, но чтобы вот такое...

- Может, мы переночуем в каком-нибудь другом месте? - осторожно предложила Марина, коснувшись руки Ксавьера. – Боюсь, здесь будет... неудобно.

- Разумеется, - без особых эмоций в голосе ответил мужчина, но в его ауре Марина ощутила боль и щемящую тоску. Поруганный дом детства – что может быть хуже для человека, всей душой желавшего вернуться домой? Разве что узнать, что твоих родителей не захоронили, как полагается, а оставили гнить на городских воротах во имя устрашения бунтовщиков.

- Пойдем искать съемные комнаты? – осторожно спросил Леам. – Или выйдем из города и переночуем в норе Шессера?

- Идти далеко, - заметил Модька. – И так уже набегались.

- Можно в гостиницу, - предложил Персик.

- Ты хоть знаешь, сколько это нынче стоит? – фыркнул Денеба.

Персик ответить не успел. Ксавьер неожиданно отмер, развернулся и пошел прочь. Все тут же поспешили следом.

Марине в первый момент показалось, что мужчина просто хочет выбежать прочь из этого печального места – у нее и самой возникло такое желание. Однако едва выйдя за ворота, Ксавьер свернул налево и пошел вверх по улице, явно целенаправленно. Магики снова переглянулись и поспешили следом.

Они прошли шесть кварталов и попали в район чуть подешевле. Дома тут были красивые, добротные, но небольшие – ну, в сравнении с предыдущими особняками, разумеется. При взгляде на них Марина сразу поняла: здесь живет уверенный средний класс.

Ей подумалось, что наверное, Ксавьер вспомнил о существовании какого-нибудь знакомого и хочет напроситься на ночлег. Однако дом, к которому он их привел, оказался также тих и темен, как и особняк семьи Брефедда. С одним но: его ворота были заперты.

Мужчина подошел к калитке и окинул дом хмурым взглядом. А Марине вдруг подумалось, что у богатой семьи может быть больше одного здания в собственности и, возможно, им сегодня все-таки удастся переночевать пусть не в тепле, но хотя бы в безопасности.

- Опечатано Инквизицией, - сказал Амадеус, когда Ксавьер коснулся калитки, и поверх замочной скважины смутно вспыхнул полупрозрачный символ. – Может, не надо? Если сигналка сработает, нас повяжут за десять минут – с магической меткой мы далеко не уйдем.

- Так отойдите, чтобы она на вас не попала, - велел Ксавьер.

Все послушно отодвинулись назад. Мужчина выпростал из-под рубашки свой амулет и приложил его к замочной скважине. В то же мгновение в воздухе на краткий миг вспыхнула ослепительная вязь знаков, оплетающая всю территорию дома.

Марина заморгала – знаки отпечатались у нее на сетчатке. Но больше ничего не случилось – странную иллюминацию не сопровождал даже гром или треск разряда. Знаки просто кратко полыхнули и исчезли – как вспышка фотоаппарата. А в следующее мгновение замок щелкнул, и калитка чуть отошла.

Марина обрадовалась было, но, глянув на Ксавьера, придержала поздравления.

- Это дом Вашей семьи? – уточнила она.

- Нет, - мужчина покачал головой. - Это просто дом. Я получил его в собственность, когда принимал сан.

- Точно, Вы же инквизитор, - сообразила Марина.

- Не применяйте это слово ко мне, - помрачнел он. - Его значение перевернули с ног на голову пять лет назад.

- Хорошо, не буду, - сказала Марина. - Но я правильно поняла, что мы будем ночевать здесь?

- Да, если инквизиция сейчас не явится требовать назад свою собственность, - хмуро ответил Ксавьер, делая шаг внутрь. – У меня на этот дом примерно те же права, что и у Вас на корпус Академии.

- А-а, понятно, - кивнула Марина. – Ну, звучит неплохо. Значит, если не будем привлекать внимание, сможем пожить здесь несколько дней, а то и дольше.

- Это становится традицией, - хмыкнул Денеба. – Сидим и не вякаем, господа, и, может быть, нас оставят в покое.

- Друзья, а может, не надо? – заробел Леам. – Если этот дом принадлежит Инквизиции...

- Тут вообще все теперь принадлежит Инквизиции, - буркнул Амадеус, заходя внутрь двора. – Не знаю, как вам, а мне даже приятно будет чуток попользоваться их собственностью, которая на самом деле наша.

- Вообще-то, это собственность Ксавьера, - напомнил Персиваль, тоже с любопытством заглядывая во двор. – Давайте не будем об этом забывать.

- А значит, и Марины Игоревны, - фыркнул Крис. – Госпожа, добро пожаловать домой.

Он отвесил шутовской поклон.

- Тьфу на тебя, - тихо сказала Марина, но внутрь вошла.

Двор был небольшой и больше хозяйственный, чем красивый. От ворот вела брусчатая дорожка, которая петлей загибалась перед небольшой лестницей – видимо, это был подъезд для карет.

Вход тоже был довольно скромным: колонны, козырек крыши да пара вазонов с давно погибшими цветами. Общий дизайн дома сильно тяготел к модерну, и линии перил, крыши, окон были довольно причудливыми. На пыльных стеклах виднелся витражный рисунок, но в вечернем полумраке его было не разглядеть.

В целом это место Марине понравилось. Впрочем, ей трудно было представить, каким был его прошлый хозяин – молодой Ксавьер. И почему-то казалось, что он бы ей не понравился. А вот сам по себе дом был приятным. Он не подходил нынешнему Ксавьеру, зато самой Марине подошел идеально, и она сразу почувствовала себя уютно в этом месте. А может быть, дело было в скромных размерах.

Впрочем, скромными размеры дома были только по сравнению с особняком семьи Брефеда. Тот больше походил на дворцовый комплекс – с галереями, залами и наверняка многокомнатными покоем для гостей.

Тут же все было просто и понятно: вот гостиная со «вторым светом», вот изогнутая лестница на второй этаж. Там небольшой балкончик с книжными полками и две двери, за которыми всего несколько комнат, без всяких залов и галерей. А на первом этаже с одной стороны был просторный рабочий кабинет, столовая и гостиная, а с другой – технические помещения: кухня, кладовая, прачечная.

В целом строение по масштабу и устройству было ненамного богаче их старого корпуса. Только тут не было рухляди, и все предметы были подобраны по стилю, а не попали в дом только потому, что жалко было выбросить.

Марина шла по дому, а в ее голове уже мысленно составлялся фронт работ: кто что будет чистить, в каких комнатах лучше расселить ребят, как бы организовать дежурства и все прочее в том же духе. Она даже умудрилась забыть о самом хозяине дома и практически вскрикнула, когда неожиданно столкнулась с ним на втором этаже.

- Вы можете занять эту комнату, - сказал он, указывая на одну из дверей. – Тут спальня, кабинет и санузел. Дальше по коридору еще три комнаты поменьше и санузел для прислуги. Комнаты не жилые, но можно организовать матрасы и поселить там девочек и, пожалуй, Леама с Уильямом. Остальных парней я расселю с другой стороны. Будут жить по двое.

- А мы тут надолго? – сочла нужным уточнить Марина, поняв, что Ксавьер говорит не только об этой ночи.

- Посмотрим, - туманно ответил он. – Инквизиция не летит меня арестовывать, значит, имущественное право не отозвано. Предлагаю вам всем затаиться здесь на несколько дней, пока я буду восстанавливать старые связи. Но будьте готовы в любой момент сорваться с места и уехать.

- Поняла, - кивнула Марина, чувствуя воодушевление от мысли, что ее оставляют наводить порядок в таком интересном месте. Это ж сколько всего клевого тут, наверное, можно найти!

Нет, Марина не страдала клептоманией и вовсе не собиралась грабить чужую собственность (тем более, что вроде как и не совсем чужую). Ей просто грела душу мысль, что завтра она целый день будет находить любопытные вещицы и любоваться по-настоящему красивыми предметами, какие раньше только в музеях старины видела.

Даже сейчас, в полумраке, ей уже очень даже нравились изгибы деревянных каркасов мебели, драпировки и скульптуры на подставках. А как увлекательно будет разглядывать все это при утреннем свете!

- Да, воду пока не включайте, - предупредил ее Ксавьер. – Надо бы сначала убедиться, что насос не вышел из строя и, конечно, запустить бойлерную печь.

- Тут есть водопровод?! – ахнула Марина.

- Разумеется, - поморщился Ксавьер от ее избыточной реакции. – И водопровод, и система отопления. Я раньше был очень щепетилен в таких мелочах.

Марина уставилась на него в восхищении. Водопровод, горячая вода, канализация и отопление – что еще нужно для счастья? Разве только денег немного, ведь почти наверняка такую роскошь нужно было как-то оплачивать. Ну, да сейчас об этом думать не стоило. Сейчас нужно было наконец-то поспать в нормальной кровати!

Экстра про Кристел

Была уже глубокая ночь, и над Крамарином сияли звезды и обе луны. Кристел сидела на крыше дома, вдыхая прохладный воздух, когда сзади послышалось специфичное шуршание чешичек по черепице.

Она не стала оборачиваться, хотя ей нравилось смотреть, как Шессер, подобно ящерицам, быстро и беззвучно взбирается на самые сложные рельефы. Лучшие него с этим справлялся только Крис, но тот прыгал, как дикий кот, и порой шумел при приземлении. Шессер же всегда подкрадывался незаметно, пользуясь своим длинным хвостом то как рукой – для захвата – то как ногой – для опоры. И все же недостаточно незаметно...

- Убит, - сказала Кристел, закинув руку за голову и коснувшись его шеи. Будь это в бою, она бы выдрала из его горла кусок плоти, оставив истекать кровью.

- Черт, - не особенно расстроившись, хмыкнул Шессер и тоже оседлал крышу, прижавшись к спине девушки и скользнув руками по ее животу.

- Ксавьер еще не спит, - сказала Кристел, чуть склоняя голову, чтобы ее гость мог полюбоваться звездами или...

- Главное, что Малинка заснула, - шепнул парень, уже касаясь губами ее шеи.

- Они легли в разных комнатах, - вздрогнув от приятной судороги, сопроводившей поцелуй, заметила Кристел. - Думаешь, разругались?

- Или Ксавьер ее так обхаживает, - возразил Шессер, принимаясь распутывать шнуровку корсета девушки.

- Обхаживают не так, - возразила Кристел, закидывая руки за голову, чтобы запустить пальцы в чужие волосы – гладкие и холодные. - Цветы, стихи, сладости, подарки, свидания, ночные серенады.

- Так они уже поженились, поздновато для свиданий, - отозвался парень, снимая с девушки корсет и отпуская его. Ненужная уже деталь одежды зашуршала по черепице и почти беззвучно приземлилась на разлапистый куст внизу.

- И все же бестолково у них все как-то, - задумчиво протянула Кристел, любуясь видом ночной столицы.

- Согласен, не с того начали, - Шессер взялся за верхнюю рубашку девушки. - Ну, да может, сами еще разберутся? Чай, не маленькие оба.

- Ну да, - хмыкнула девушка, выskalзывая из рукавов. - Одна – старая дева, другой – сухой педант.

Рубашка тоже полетела было вниз, но зацепилась за трубу. Валькирия выскользнула из чужих рук, встала на самом краю крыши и сладко потянулась, более не скованная корсетом.

- Предлагаешь их подучить? - хмыкнул Шессер, поднимая руки и принимаясь распутывать завязки юбки – осторожно, чтоб не скинуть девушку с многометровой высоты.

- Ну... - Кристел задумалась. - Хотя бы не мешать. А то мы рядом все время: им, наверное, неловко. Они оба такие зажатые.

Юбка с шелестом скользнула вниз, а за ней - вторая, оставив девушку в одной лишь нижней рубашке.

- Да, им бы твою свободу, - с восхищением протянул Шессер, любуясь силуэтом валькирии на фоне звездного неба.

Кристел довольно хмыкнула.

- Смотри, не урони нас с крыши, как в тот раз, - сказала она, насмешливо покосившись на парня. - Если снова грохнемся под окна Малинки, она тебя точно жениться заставит. И кончится твоя свобода.

- Да кому она нужна, эта свобода, - сказал Шессер, обвивая горячее тело девушки своим непомерно длинным хвостом и притягивая ее к себе

Глава 6.

Марина проснулась от бьющего ей в глаз солнечного луча. Видимо, вчера она неплотно задернула шторы, а комната оказалась на восточную сторону, и солнце разбудило ее в несусветную рань. Но при этом сразу напомнило, чем девушка собиралась заниматься: в потоке света медленно и торжественно плавали многочисленные пылинки, при одном только взгляде на которые ей захотелось чихнуть.

Сев на кровати, Марина уже привычно глянула в дальний угол, проверяя, ушел ли Ксавьер. И только тут до нее дошло, что его в комнате и не было – мужчина ночевал где-то в другом месте. Вчера девушка получила слишком много новых впечатлений, чтобы обратить внимание на этот факт. Но за ночь мозги встали на место, и Марина задумалась, нет ли в этом какого-нибудь подтекста?

Что хотел сказать Ксавьер, заселяя ее в одиночестве в эти покои? Что он в этом доме хозяин, и остальные не должны ему мешать? Что понимает неловкость, возникшую между ними, и дает Марине возможность жить спокойно? Или же это намек, что ему не больно-то и нравилось делить с ней одни покои, и он воспользовался первым же достаточно весомым поводом отселиться?

Марина тряхнула головой, отгоняя от себя вопросы, на которые не могла найти ответы. Все это было не срочно. Что бы там ни решил Ксавьер, он высказал свою точку зрения вежливо, однозначно и не обидно. Даже если он таким способом хотел сказать, что Марина не интересуется его как женщина, она оказалась не в накладе: выданные ей покои компенсировали любые обиды.

Помещение было тройным: спальня, санузел и что-то вроде кабинета, объединенные между собой дверными проемами с занавесями вместо, собственно, дверей. В спальне располагалась массивная кровать с тяжелым балдахином, лежал большой ковер и стояла многочисленная мебель в том же стиле. Оттенки больше тяготели к темному дереву, драпировки были тяжелыми, да и в целом чувствовалось, что хозяин дома – мужчина.

Впрочем, Марину такой дизайн вполне устраивал. Не то, чтобы она не любила розовый цвет, завитушки, бантики и розочки, ей просто понравилась общая гармония этого места. Все вплоть до чернильницы на секретере было продумано, и предметы подходили друг к другу так, словно тут поработал дизайнер. Впрочем, возможно, так оно и было когда-то.

Марина подошла к окну и раздвинула портьеры. В комнату хлынул солнечный поток, а пыль с пятилетку нестиранной ткани клубами закрутилась в воздухе. Девушка оглушительно чихнула. Определенно, помещению требовалась генеральная уборка. И не только помещению, но и двору – на ближайшем кусте почему-то висела юбка, а чуть выше застрял в кроне корсет. Ветром принесло, или кто-то успел поссориться и вышвырнуть вещи соседки? Эту юбку она, Марина, вроде, на одной из валькирий видела.

Прочихавшись, девушка утерла выступившие слезы и обернулась, чтобы осмотреть помещение в утреннем свете. Боги, и она спала в этой пылище? Да у нее, наверное, все волосы побелели, как у седой старухи!

Проверять этот факт Марина не стала. Все равно ей сегодня предстояла огромная уборка, и пыль еще не раз должна была укрыть ее с ног до головы, так что не имело смысла заморачиваться этим сейчас.

А вот, что смысл имело, так это составить план. Даже в старом корпусе, который был меньше размером, а народу внутри имел больше, на уборку ушло несколько дней. Тут же и дом был побольше, и рабочих рук чуть меньше, а имеющиеся предметы высокой художественной ценности явно нуждались в более бережном обращении, чем тот хлам из корпуса.

Марина оглядела ближайший шкаф неясного назначения. На дверцах из темного дерева виднелись резные барельефы, между ними располагались декоративные витые столбики, какие-то завитушки, выступы, карнизчики. Все это требовало не только тщательного протирания от пыли, но и полировки. А с учетом количества углублений, полноценная чистка одного такого шкафа в четыре руки должна была занять целый день.

Марина раскрыла одну створку, чтобы понять, что сюда можно класть. И уставилась на ровные ряды вещей. Потом, осененная внезапной мыслью, подошла к ближайшей банкетке-сундуку и откинула сидушку. Там тоже лежало всякое барахло. Марина подошла к секретеру и подергала за ящички. Часть из них оказалась заперта, но в других лежали шкатулки и коробочки, а в них – механические часы, запонки, броши для шейного платка и прочие мелочи. А заглянув в санузел, девушка обнаружила там два мужских халата и запыхавшуюся парфюмерию: судя по запаху, тоже не женскую.

«Это комната Ксавьера, - подтвердил ее догадку внутренний голос. – Походу, пять лет назад он так спешно бежал из страны, что ничего с собой не забрал. Не удивлюсь, если добрые люди выдернули его прямо с той площади, где казнили чету Брефед, и, пока он был не в себе, по-быстрому вывезли за границу».

«А сам-то он сегодня тогда где ночевал?» – не поняла Марина.

«Да уж, поди, не обидел себя, - хмыкнул ее внутренний собеседник. – Дом ты уже мельком видела, комнат тут много. Наверняка имеется что-то такое же просторное и удобное, как эти покои».

«Тогда почему он меня туда не отправил, в это просторное и удобное? – не поняла Марина. – Тут же все его вещи. Нелогично».

«Очень даже логично, - возразил внутренний голос. – Зная Ксавьера, он первым делом подумал о вежливости и заботе о даме. В этой комнате все хоть и пыльное, но готовое для жизни – приберись, и все. А в остальных наверняка удобств куда меньше. Заставлять даму ютиться в каком-нибудь кабинете для приема гостей, самому при этом заняв полноценные покои с кроватью и туалетом – это точно не про Ксавьера».

«Да, он в этом вопросе весьма педантичен, - вынужденно признала Марина. – Но теперь мне неловко, что тут кругом его вещи, и я его будто выселила из его же дома».

«Ничего, договоритесь уж как-нибудь, - хмыкнул ее собеседник. – Хотя у меня такое чувство, что вы с ним после каждого события становитесь дальше друг от друга. Поцеловались – и ты стала его сторониться. Раскрыли его статус – и ты перешла на «Вы». Переспали – и помножили неловкость между вами на десять. Ну, а теперь вот и вовсе разъехались по разным углам. Сейчас он еще начнет пропадать где-то круглыми сутками, а ты – до бесконечности драить этот домище, и всё, можно считать, что вы вообще не знакомы».

«Хм», - Марина нахмурилась. Внутренний голос, конечно, стебался. Однако вещал истину – не поспоришь. Ее общение с Ксавьером становилось все более и более формальным. С одной стороны, это делало их совместную жизнь удобной, а с другой... а дальше-то что?

«А дальше он заведет себе фаворитку, а ты – брутального садовника, - хмыкнул внутренний голос. – Ты родишь пару детей неясного происхождения, и Ксавьер, чтобы не расстраиваться, купит себе еще один дом, а вас с детьми и садовником оставит тут. План – огонь!»

Но Марину такой план вовсе не устраивал. Да, она чувствовала себя неловко оттого, что вышла замуж за малознакомого человека. Но изменять ему вовсе не собиралась.

«А что, будешь жить, как монашка, всю оставшуюся жизнь? – хмыкнул внутренний голос. – Поверь, не выдержишь. Так что либо как-то налаживай отношения с супругом, либо уж смиряйся с мыслью, что тебе нужен красивый садовник. Хотя нет, садовник будет мозолить глаза Ксавьеру. Лучше с молочником или почтальоном: те приходят, делают свое дело и уходят. Очень удобно».

Марина не стала вляпываться в очередную ссору с внутренним голосом и вместо этого задумалась. Вариантов у нее, собственно, не было. Просто она только сейчас поняла, что семейные отношения придется строить с нуля. И с чего начать, девушка не знала: не передали ей предки советов по «стерпится-слюбится», а родное общество избаловало психологами, антидепрессантами, условным равноправием полов и легкой возможностью развестись.

«Начни с благодарности, - предложил внутренний голос. – Только не как всегда, а поцелуй его, что ли. Или хоть обними эротично, за ягодицу ущипни».

«Сбрендил? – тут же возмутилась Марина. – Я ж не потаскуха какая-нибудь».

«А хорошо бы иногда ею побыть, - хмыкнул ее внутренний собеседник. – Не вижу ничего дурного в том, чтобы приставать к законному мужу. Вы для чего поженились вообще?»

«Да уж не ради разврата», - фыркнула девушка.

«Марин, ку-ку! – посерьезнел внутренний голос. – Ты замужем, какой разврат? Да что бы вы с ним ни делали – вам все дозволено. Даже самые извращенские идеи. Можете играть в садовника и заскучавшую хозяйку, можете сшить себе костюмы из змеиных чешуек и устроить зимовку наг...»

«Слушай, заткнись, а? – поморщилась Марина, в голове которой красочно прорисовывались эти картины. – Мне с ним разговаривать-то сложно, а ты тут со своими извращениями».

«Любви хочу, - признался ее внутренний голос. – Нормальной человеческой любви. Чтоб было жарко и стыдно. Смотри, какая кровать шикарная. Двухспальная, между прочим. А где-то там классный мужик бродит, который тоже наверняка соскучился по женскому телу. Он-то уж наверняка не будет так терзаться сомнениями, и как только поймет, что ему с тобой не светит, просто заведет себе симпатичную молодую любовницу».

Марина снова задумалась. Себя с любовником она представить не могла. А вот Ксавьера в жарких объятиях одной из местных девиц представила запросто. Причем картина вышла на редкость естественной, и даже каких-то внутренних возмущений не возникло, как будто так оно и должно было быть.

«Так что поддерживать мужа – это хорошо, конечно, - подытожил внутренний голос, - но и любить его физически тоже не помешает. Тем более, к его ауре ты уже привыкла».

«Ладно, посмотрим, - вздохнула она. – Все равно пока не до того – ни мне, ни ему».

...

И это было правдой. Сразу после наспех приготовленного из привезенных запасов завтрака Ксавьер сказал, что ему нужно сходить на службу. Марина удивилась: под службой он явно имел в виду работу в Святой инквизиции. Но коль скоро эта организация для магиков была нынче самым страшным местом, девушке было непонятно, зачем так подставляться и совать голову в пасть дракону?

- Я снял охранную печать, - пояснил Ксавьер. – В Инквизиции теперь знают, что я вернулся и занял дом, выданный мне по службе. Теперь нужно либо явиться на эту самую службу, либо съехать из дома, навсегда от него отказавшись.

- А это не опасно – идти туда? – нахмурилась Марина.

- Кто знает, - пожал плечами Ксавьер. – Если Вам страшно, Вы можете переселиться в гостиницу. Здесь есть много мелких вещей, которые можно продать и оплатить проживание.

- Нет, я не могу продавать Ваши вещи, - отказалась Марина.

- Это теперь и Ваши вещи тоже, - ответил Ксавьер. – Или этот пункт в брачном контракте Вы тоже проигнорировали?

Марина покраснела. Все, что касалось вопросов разделения имущества, имевшегося у них до брака, она даже смотреть не стала, ибо ничего и не имела. А про Ксавьера и вовсе думала, что у него ничего не осталось, кроме пары смен одежды и туфель.

- Судя по реакции Вашей супруги, лорд Брефед, Вы могли и не заморачиваться с дополнительным соглашением, - хмыкнул Амадеус.

Марина удивленно подняла бровь, глянув на мужа.

- В день подтверждения брака я прикрепил к договору приложение, согласно которому этот дом сейчас наполовину Ваш, - пояснил ей Ксавьер. – И Вы подписали это соглашение. Судя по всему, не глядя.

Марина почувствовала себя Золушкой, чей принц и фея почему-то оказались одним человеком. Причем платье и хрустальные туфельки не выдали даже на свадьбу, а полцарства принадлежали ей лишь до тех пор, пока ее принц жив и работает на Инквизицию.

«Ничего, в самом худшем случае у тебя уже есть «дача», - напомнил ей внутренний голос. – Если мы переживем Ксавьера, то вернемся туда, выйдем замуж за Дубка и будем жить-поживать да чай попивать».

- Я не претендую на Ваши вещи, мне чужого не нужно, - тут же сказала она мужчине, стараясь не отвлекаться на внутренний голос.

Ксавьер вопросительно поднял бровь.

«Что ты несешь, дура? – возмутился внутренний голос. – Ты же только что сказала ему «подавись своими шмотками, мне от тебя ничего не надо!» Думать, прежде чем говорить, не пробовала, Марин?»

Девушка смутилась и постаралась пояснить свои слова:

- То есть... я имею в виду... Я вообще не ожидала, что здесь у Вас есть дом и какие-то вещи, - торопливо забормотала она. – Расповайтесь ими, как сочтете нужным.

- О боже, лорд Брефеда, Ваша жена так наивна, - с деланной жалостью и насмешкой в голосе сказал Амадеус, разрушая атмосферу избыточной вежливости. – Вы ей карт-бланш в руки, а она отнекивается. Не знал бы, что она такая и есть, подумал бы, что цену себе набивает.

- Модька, я тебе сейчас чайник на рога надену, - пригрозила Марина, которую в кои-то веки не порадовал совместный прием пищи.

- Не надо! – неожиданно всерьез испугался сидевший рядом Леам, прикрыл чайник ладонью и пояснил: - Это редкий лагосский фарфор. Если разбить хоть одну вещь из сервиза, стоимость последнего упадет в десятки раз!

Крис, услышав такие подробности, опасливо отставил от себя чайную чашку, будто в той вместо чая был яд. Да и остальные как-то неловко выпрямились и принялись перешептываться, тыча пальцами в сервиз, который Марина нашла в большом серванте. Вообще-то, там были и другие, не настолько изящные. Но те все были на шесть или восемь персон, и только этот – аж на двадцать две.

Зато теперь до Марины дошло, что те сервизы были повседневными, а этот, похоже – праздничный. И она тоже опасливо покосилась на свою чайную пару. Какая же она хрупкая! Сломать – раз плюнуть. И, судя по реакции Леама, потом полжизни копить на второй такой сервиз.

Ксавьер оказался единственным, кто никак не отреагировал на упоминание дороговизны посуды. Он спокойно допил свой чай, отставил чашку и поднялся:

- Переоденусь и поеду, - сказал он. – Если все пройдет успешно, вернусь, скорее всего, поздно. Если же нет... не вернусь совсем. Так что в любом случае рано не ждите. Чувствуйте себя, как д...

Он вдруг споткнулся, поняв, что стандартная вежливая фраза тут не подходит. Подумал немного, повернул голову к супруге и сказал:

- Чувствуйте себя хозяйкой... Марина.

Девушка замерла. Ее имя без отчества прозвучало практически обнаженным. Это было ужасно непривычно. Имя-отчество для учителя – как щит, отделяющий его от мира. Маска, которую он надевает, заступая на должность, и не снимает до конца жизни. Ксавьер еще и так осторожно это произнес – будто подошел и на пробу за ее щит заглянул, а Марина там вжалась в угол, как зашуганный котенок, и в шоке глаза вылупила на непрошенного вторженца.

Магики заметили ее произвольную реакцию и запереглядывались, пряча глаза и улыбки. И девушка поняла одну из причин, почему их брак с Ксавьером такой неловкий.

По-хорошему, за этим столом ранним утром должны были сидеть их дети или хотя бы другие родственники. А магики хоть формально и занимали сейчас место «детей» и были дороги Марине, но все же разрушали атмосферу классической семейности. Они будто создавали публику, превращая любую попытку личного общения Ксавьера и Марины в театральное представление. Так что у нее язык не повернулся ответить мужу что-нибудь вроде: «Да, дорогой».

Впрочем, ребята сами чувствовали, что мешаются, но вот отреагировали на это по-разному: Крис пялился на отношения старших с детским восторгом, Леам и Флоксы прятали глаза, а вот Моська...

- Милорд, Вы бы хоть чмокнули женушку на прощание, - хмыкнул он, когда мужчина уже почти вышел в коридор.

Ксавьер замер. Подумал немного и вдруг к огромному смущению Марины подошел к ней, склонился и слегка коснулся губами ее щеки, ощекотав бородкой. Она вздрогнула и почувствовала, что краснеет.

- У-у-у! – весело пролетело над столом на разные голоса, и огоньки взглядов расцветили столовую. Ксавьер, наконец, вышел, а Марина тут же вернула себе главенствующую роль в коллективе:

- Повеселились? Молодцы. А теперь допивайте чай и за работу. Сегодня у нас по плану стирка штор, чистка ковров, мытье кухни и санузлов, беглая влажная уборка и ревизия продуктов.

- У-у-у, - пронеслось над столом уже с совсем другим настроением.

Но Марина была неумолима. Она не собиралась сидеть тут в пыли и грязи, нервничая из-за неизвестности. Уборка в доме должна была убить трех зайцев: дать человеческие условия для жизни, отвлечь Марину от дурных мыслей и порадовать Ксавьера возвращением прежнего облика дома. Да, а еще – занять работой дурные головы молодежи.

Возвращение в жизнь Марины водопровода и канализации было так прекрасно, что она даже начала думать, а не перевезти ли сюда остальных магов и преподавательский состав? Останавливали ее только две мысли: что выдрать разросшегося Дубка из подвала будет затруднительно и что Поморника тут негде разместить. Да еще Ксавьер говорил, что великан вроде как боится возвращаться.

Однако к обеду настроение девушки кардинально поменялось, и Марина уже начала думать, а не послать ли все и не вернуться ли в старый корпус, где все давно прибрано, нет всех этих бесчисленных портьер и пыльной резьбы на мебели, которую протирать было интересно только первые полчаса. К тому же, они не нашли средства для стирки и уборки, а пускать в дело пусть и пересохшее, но явно дорогое ароматическое мыло из ванной комнаты было нехорошо.

Так что по крайней мере со стиркой дело шло медленно и плохо, и Марина решила сосредоточиться больше на мытье полов и чистке ковров – это ее ребята делать умели более или менее хорошо. То есть, она так думала.

- Что вы делаете, молодой человек! – донесся до нее из распахнутой двери возмущенный мужской голос, пока она мыла полы в прихожей. – Это очень дорогой ковер из натурального шелка, с ним нельзя так обращаться!

Заинтересованная, Марина выглянула во двор. Там стоял приземистый пожилой мужчина с бакенбардами и лысиной на макушке. Он был одет в строгий коричневый костюм и выглядел крайне педантичным человеком.

Крис, стоявший во дворе с ковриком в руках, тоже изумленно замер, уставившись на гостя. Коврик он, по всей видимости, просто всхлопывал, а не выбивал, и острые когти глубоко погрузились в край ковра. Видимо, именно это и не понравилось мужчине.

- А ну, дайте сюда! – сказал тот, протягивая руки.

- И не подумаю! – возмутился Крис. – Вдруг Вы его украдете?

- Подозревать МЕНЯ в краже хозяйских вещей? Да как Вы смеете, молодой человек!

Марина поняла, что пришло время вмешаться.

...

Мужчина назвался Броснаном и оказался дворецким этого дома. Марина предложила ему чай и узнала много интересного.

Оказывается, пять лет назад, когда молодой господин исчез, Броснана и прочих слуг попросили освободить помещение, а сам дом опечатали. Что случилось с младшим лордом Брефедой, он не знал, со службы его никто не отпустил, и мужчина сделал из этого свои выводы.

Как поняла Марина, Броснан мог обратиться в местную разновидность профсоюза, оформить через них увольнительную и получить от государства полагающиеся выплаты, чтобы иметь возможность пожить на эти деньги, пока не найдет новую работу. Однако дворецкий, всю жизнь проработавший на семью старших лордов, и так скопил неплохую сумму на безбедную старость. Так что он не стал бегать по инстанциям, а просто, так сказать, вышел на пенсию.

На пенсии оказалось скучно. Въевшаяся в подкорку привычка вставать рано и заниматься делом заставляла мужчину повторять ежедневный ритуал: встать, позавтракать, прибраться в доме и... проверить дом молодого господина. Броснан каждый день из года в год приходил сюда и смотрел, не нарушена ли печать, не попортил ли кто вещи. Но ничего не менялось, только растительность становилась все гуще и косматее, а зайти внутрь и привести дом в порядок Броснан не мог.

И вот сегодня, в очередной раз прогулявшись до этого места, он вдруг обнаружил, что защита снята, калитка – неплотно прикрыта, а из открытых окон дома доносятся голоса. Разумеется, он зашел внутрь, чтобы понять, что происходит и не надо ли позвать стражу.

А происходила тут уборка. Страшная и беспощадная. По крайней мере, так считали магики, Марина-то думала, что назначенный ею объем дел не такой уж и большой.

Однако с приходом Броснана все изменилось. Недовольный дворецкий тут же взял процесс в свои умелые руки, и развил невероятную деятельность. Ребята бегали в мыле – в прямом и переносном смысле. Повсюду слышались звуки коротких указаний, окриков и суровых лекций по уходу за мебелью и посудой.

Досталось прилично так работы и самой Марине: ей, наконец, указали, где находятся средства для уборки, и продемонстрировали, как правильно пользоваться полиролью. Работа эта оказалась адская. Марина вся взмокла, но не жаловалась: благодаря Броснану дом оживал буквально на глазах. Гостей здесь было принимать еще рано, а вот жить – уже почти приемлемо.

Сложнее всего оказалось с текстилем. Рубашки, чулки, нижнее белье – все, что когда-то было чистейшим и лежало ровными стопочками, ныне было покрыто вездесущей пылью. Просто всхлопывание не имело должного эффекта, и большую часть пришлось перестирывать. И хоть в доме было какое-то подобие стирального порошка, да и горячая вода радовала, стирка оказалась даже хуже, чем полировка мебели. Марина совершенно перестала понимать, какая нормальная женщина пойдет работать в прачки. Уж лучше, простите, в публичный дом, чем каждый день такой ад!

Когда они увесили весь двор перестиранным бельем, простынями, шторами и полотенцами, Броснан, наконец, дал добро на отдых и перекус. В столовую он магики почему-то не пустил – видимо, боялся за безопасность драгоценных сервизов. Зато собственноручно при-

готовил неплохую овсянку и даже выделил немного личных денег на покупку хлеба, отправив на рынок Уильяма, как меньше всего привлекающего внимание.

К магикам, кстати, Броснан отнесся без особых претензий. То ли был толерантной личностью, то ли разделял взгляды своих казенных хозяев, то ли по достоинству оценил умения ребят. Впрочем, к дорогим вещам он их не подпускал, и все самое ценное и хрупкое чистил лично.

- Вы давно работаете? – спросил он Марину, когда вся компания дрожащими руками пыталась пить чай после сытного ужина.

- Простите? – не поняла она.

- Экономкой давно работаете? – уточнил он. – У меня такое чувство, что Ваш опыт... кхм... не для такого дома, уж простите.

- А-а, - дошло до Марины. – Нет, я не экономка, я... Я жена.

Она почувствовала на себе веселые взгляды ребят: на настоящие смешки им уже не хватило сил.

- Чья жена? – не понял Броснан.

- Ксавьера, - смущенно пояснила Марина.

Дворецкий побледнел, позеленел и пошел пятнами.

- Простите бога ради, - ошарашенно пробормотал он. – Я и подумать не мог...

- Не извиняйтесь, - неловко улыбнулась Марина. – Я сама еще не привыкла.

- Но почему же Вы сразу мне не сказали? - забормотал он. – Я ж Вас наравне с... Ох ты ж...

- Да ничего, - ободрила его Марина. – Зато мы поработали единым сплоченным коллективом. И результат выше всяких похвал. Вот еще все перестиранное накрахмалим, отутюжим, вернем на места, и совсем чудесно будет.

Магики издали синхронный стон.

- Вообще-то, если позволите, госпожа, работы тут куда больше, - тут же вновь обрел былую уверенность старик. – Во-первых...

- Он вернулся! – перебил его Крис, в волнении поднимаясь из-за стола и увлекая остальных.

- Ребят, осторожнее с посудой! – предупредила их Марина, хотя и сама ощутила нестерпимое желание выбежать навстречу и спросить: «Ну как?».

Глава 7.

Ксавьер шел по двору, непроизвольно косясь на развешенные повсюду простыни. По его лицу нельзя было ничего понять. Малоознакомым людям он вообще казался крайне невозмутимым человеком, но Марина уже знала, что это не так. Знала, что если не побояться его холодного взгляда и подойти поближе, то окажешься в плотном коконе его ауры и без всяких слов и фальшивых эмоций почувствуешь, что творится в душе этого человека.

- С возвращением, - сказала она, выйдя из полукруга встречающих магиков и шагнув в его личную зону. Она ожидала чего угодно: горечи, злости или же, напротив, радости. Но на удивление Ксавьер действительно был спокоен внутри так же, как и снаружи.

Он кивнул, постаравшись улыбнуться ей, а затем заметил дворецкого:

- Броснан? – от Ксавьера, наконец, пришла первая эмоция: удивление.

- С возвращением, милорд, - с достоинством поклонился старик. Хозяин дома так же сдержанно кивнул ему в ответ, и на этом воссоединение хозяина и слуги завершилось, но все вокруг прекрасно поняли, что эти двое рады видеть друг друга.

- Подайте ужин через час, - обыденным тоном сказал Ксавьер, обращаясь к дворецкому, будто не было в их жизни перерыва в пять лет.

- Ванну приготовить? – деловито уточнил Броснан.

- Не надо, - покачал головой Ксавьер. – Хочу побеседовать с супругой.

Марина неожиданно смутилась. Почему-то с тех пор, как они покинули старый корпус, она все чаще слышала напоминания о том, что они все-таки женаты. И эти напоминания все сильнее входили в диссонанс с ощущением чуждости этого мужчины для нее – в плане межличностных отношений, разумеется. Впрочем...

Ксавьер, будто почувствовав неуверенность девушки, взял ее за руку, зачем-то кратко поцеловал у всех на виду ее пальцы и кивком головы предложил зайти в дом. Марина, разумеется, последовала, старательно не слушая то, что говорит внутренний голос по поводу попыток Ксавьера вести себя, как образцовый муж.

Пройдя через отмытую и еще дышащую влагой гостиную, они зашли за резную дверь, ведущую в «деловую» часть дома, миновали небольшой коридор и оказались в кабинете. Здесь уже побывал Броснан, и пыль со стратегически важных мест была снята, ковер выбит, чернила обновлены. Однако шторы еще отсутствовали, а на мелких деталях отделки виднелись белесые разводы.

Впрочем, Ксавьер на это даже внимания не обратил. Он указал Марине на стул, обитый плотной жаккардной тканью. Стул тоже был еще довольно пыльный, но, к счастью, не весь, а только в глубине резьбы на покрытой темным лаком древесине спинки, и девушка села. Ксавьер присел рядом, попутно оправляя сдвинутые со своих мест в результате уборки предметы.

- Что-то случилось? – не выдержав этой размеренности, спросила Марина.

- Нет, все в порядке, - сразу успокоил ее мужчина. – С магиков действительно сняты ограничения, за мной частично сохранена должность, титул и еще некоторые мелочи.

- А дом Ваших родителей? – уточнила Марина.

Ксавьер чуть нахмурился.

- Его можно вернуть, но... я не хочу, - признался он. – Впрочем, если Вам это нужно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.